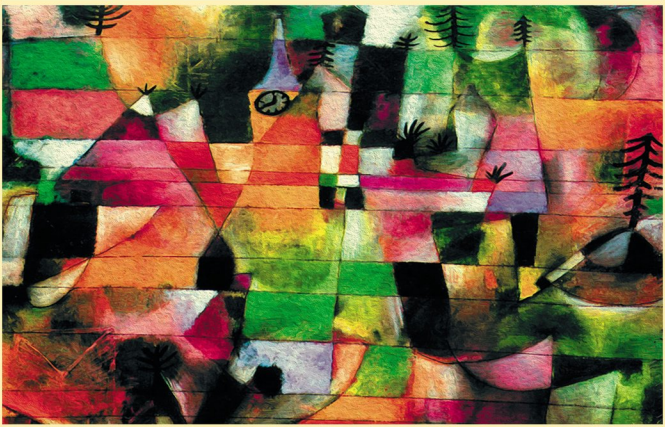

ОЛДОС ХАКСЛИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Возвращение в дивный новый мир

Олдос Леонард Хаксли

Аннотация
Олдос Хаксли. Возвращение в дивный новый мир
Предисловие
Глава 1. Перенаселение
Глава 2. Количество, качество и мораль
Глава 3. Чрезмерная организация
Глава 4. Пропаганда в демократическом обществе
Глава 5. Пропаганда в условиях диктатуры
Глава 6. Искусство продавать
Глава 7. Промывание мозгов
Глава 8. Химические методы убеждения
Глава 9. Подсознательное внушение
Глава 10. Гипнопедия
Глава 11. Просвещение ради свободы
Глава 12. Что можно сделать?

Аннотация

Книга Олдоса Хаксли «Возвращение в дивный новый мир» была впервые опубликована в далеком 1958 году – и тем интереснее читается она в наши дни: ведь в этой работе великий английский писатель и философ, в своей полемичной манере, провел параллели между западной цивилизацией буржуазного «золотого века» 1950-х и антиутопическим тоталитарным «потребительским раем», описанным в его самом известном художественном произведении – романе «О дивный новый мир». Снова и снова Хаксли сравнивал вымышленный им много лет назад мир далекого будущего с миром вполне реальным, окружавшим его на момент написания «Возвращения», – и снова и снова находил приметы пугающего, опасного и все более явного сходства… Где же он был прав, а в чем ошибался? Какие из его предсказаний не сбылись, а какие, увы, сбылись с печальной точностью? Ответы на эти вопросы, как ни странно, далеко не так уж и очевидны…

Олдос Хаксли
Возвращение в дивный новый мир

© Mrs Laura Huxley, 1958
© David Bradshaw, 1994
© Перевод. А. Анваер, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Предисловие

Краткость может убить правду. Каким бы ни было краткое высказывание, оно по своей сути не может охватить все факты, важные для оценки сложной ситуации. В таких случаях краткость достигается исключительно за счет пропусков и упрощения. Пропуски и упрощение помогают нам ухватить суть, понять сказанное, но зачастую это понимание оказывается неверным, ибо оно основывается только на сформулированных автором идеях, а не на реальности во всей ее ветвистой полноте, из которой автор произвольно выбрал важные, на его взгляд, положения.

Однако жизнь коротка, а поток информации бесконечен; ни один человек не способен охватить своим разумом все. В практической жизни мы оказываемся перед нелегким выбором между неоправданно коротким изложением и полным неведением. Сокращение — неизбежное зло. Задача того, кто сокращает, — извлечь самое необходимое из полной информации, что, конечно, скверно, но все же лучше, чем ничего. Излагающий должен учиться упрощать, но не

до степени фальсификации. Он должен учиться концентрироваться на сути проблем и ситуаций, но не слишком отрываться от реальных деталей, характеризующих проблему. Таким способом он, конечно, не сможет сказать всю правду (ибо вся правда всегда несовместима с краткостью изложения), но сможет все же сказать значительно больше, нежели четверть или половину правды, которая, к сожалению, часто становится разменной монетой нашего мышления.

Тема свободы и ее врагов необъятна, и написанного мной слишком мало, чтобы в полной мере исследовать проблему, но, по крайней мере, мне уже удалось коснуться многих ее аспектов. Каждый аспект, возможно, выглядит упрощенным в моем изложении; но в сумме эти последовательные упрощения складываются в общую картину, которая, как я надеюсь, дает некое представление о невероятной сложности рассматриваемого оригинального феномена.

В описании общей картины я опустил (не ввиду их неважности, а просто ради удобства, и потому, что у меня уже была возможность обсудить их ранее) упоминание о технических врагах свободы — об оружии и военной технике, усиливших власть правителей над подданными, и о

разрушительных с экономической точки зрения приготовлениях к еще более бессмысленным и самоубийственным войнам. Следующие главы надо читать, помня о венгерском восстании и его подавлении, о водородной бомбе, о цене того, что во многих странах именуют благородным словом «оборона», о бесчисленных колоннах юношей, одетых в военную форму, — белых, черных, смуглых и желтых, марширующих к своей общей могиле.

Глава 1
Перенаселение

В 1931 году во время работы над «О дивным новым миром» я был убежден, что впереди у нас масса времени. Полностью организованное общество, научно обоснованная кастовая система, отмена свободы воли путем методичной выработки условных рефлексов, порабощение, ставшее приемлемым благодаря регулярному приему таблеток эликсира счастья, ортодоксальность, вбиваемая в головы ежедневными сеансами обучения во сне, — да, конечно, это придет, но не при моей жизни и даже не при жизни моих внуков. Я забыл конкретную датировку событий, описанных в «О дивном новом мире», но она относится к шестому или седьмому веку эры Форда (Э.Ф.). Мы, люди, жившие во второй четверти двадцатого века, были, скорее всего, обитателями довольно страшной вселенной; однако кошмар тех лет Великой депрессии радикально отличался от кошмара будущего, описанного в «О дивном новом мире». Наш мир явился кошмаром, в котором было мало порядка; в мире людей

седьмого века Э.Ф. этого порядка стало слишком много. Я полагал, что переход от одной крайности к другой займет весьма значительное время, в течение которого, как я надеялся, счастливая треть человечества сумеет взять лучшее из обоих миров — неупорядоченного мира либерализма и слишком упорядоченного дивного нового мира, совершенная эффективность которого не оставит места свободе или личной инициативе.

Двадцать семь лет спустя, в третьей четверти двадцатого столетия от Рождества Христова и задолго до окончания первого века эры Форда, я испытываю куда меньше оптимизма, чем в то время, когда писал «О дивный новый мир». Пророчества, сделанные в 1931 году, исполнились гораздо раньше, чем я мог ожидать. Благословенное равновесие между неупорядоченностью и кошмаром полной упорядоченности так и не наступило, и, судя по всем признакам, едва ли когда-нибудь наступит. Разумеется, на Западе отдельные индивиды — мужчины и женщины — пользуются пока довольно большой свободой. Но даже в этих странах с традицией демократического правления свобода и даже стремление к свободе начинают понемногу иссякать. В остальных частях мира эта свобода уже исчезла или

вот-вот исчезнет. Кошмар тотальной организации, которую я описал в седьмом веке эры Форда, переместился из своего безопасного далека и поджидает нас за ближайшим поворотом.

«1984» Оруэлла стал преувеличенной проекцией в будущее нашего настоящего, содержащего сталинизм, и очень недавнего прошлого, ставшего свидетелем расцвета нацизма. «О дивный новый мир» был написан до того, как в Германии к власти пришел Гитлер, а русский тиран еще не вкусил всей полноты тотальной власти. В 1931 году системный терроризм еще не стал навязчивым фактом, в который он превратился в 1948 году, и представшая моему воображению диктатура была намного менее жестокой, чем диктатура, столь блестяще описанная Оруэллом. В контексте 1948 года «1984» выглядит убийственно убедительным. Тираны, однако, смертны, а обстоятельства и условия жизни пусть и не быстро, но меняются. Недавние тенденции развития России и прогресс в науке и технике лишили книгу Оруэлла ее жуткого правдоподобия. Ядерная война, естественно, сделает все бессмысленным. Однако, допустив, что ведущие страны каким-то образом смогут удержаться от того, чтобы уничтожить всех нас, мы можем утверждать, что вероятность прихода

«О дивного нового мира» несколько выше, чем шансы на приход «1984».

В свете того, что мы совсем недавно узнали о поведении животных вообще и о поведении человека в частности, стало ясно, что контроль над живыми существами путем наказаний за нежелательное поведение является в долгосрочной перспективе менее эффективным, чем контроль с помощью поощрения желательного поведения, и что правление, осуществляемое террором, работает в целом хуже, чем правление, осуществляемое ненасильственными преобразованиями окружения, мышления и чувств отдельных индивидов. Наказание на какое-то время прекращает нежелательное поведение, но не ликвидирует полностью стремление жертвы наказания вернуться к такому поведению. Больше того, психофизические побочные следствия наказания могут стать столь же нежелательными, как и поведение, которое старались этим наказанием прекратить. Психотерапия не в последнюю очередь занимается в настоящее время негативными и антисоциальными последствиями наказаний.

Общество в романе «1984» управляется исключительно с помощью наказаний и страха наказаний. В описанном мною воображаемом

мире наказания применяют редко, и они по большей части сравнительно мягкие. Почти полного контроля над обществом власть достигает путем систематического поощрения желательного поведения с помощью множества видов практически ненасильственного манипулирования — физического и психологического, а также с помощью генетической стандартизации. Зачатие детей в пробирках и централизованный контроль за размножением, вероятно, возможны теоретически, но пока абсолютно ясно, что род человеческий в обозримом будущем продолжит размножаться путем случайного спаривания и естественных родов. В практической жизни генетическая стандартизация исключена. Поведение членов общества будут контролировать только после рождения — с помощью наказаний, как в прошлом, а также во все возрастающей мере с помощью более эффективных методов вознаграждения и научно обоснованного манипулирования.

В России старомодная диктатура, напоминающая диктатуру «1984», постепенно уступает место более современной форме тирании. В верхних эшелонах иерархического советского общества поощрение желательного поведения начинает

замещать старые методы контроля, основанного на наказании за поведение нежелательное. Инженеры и ученые, преподаватели и руководители получают приличную зарплату за хорошую работу и облагаются очень умеренными налогами, что создает стимулы к улучшению качества труда, а значит, и к более высокому вознаграждению за него. В некоторых сферах жизни люди более или менее свободны думать и делать то, что им нравится. Наказание ожидает их только в том случае, если они переступают предписанные им границы и вторгаются в сферы идеологии и политики. Однако именно дарование советским учителям, ученым, инженерам и техникам определенной профессиональной свободы позволило им добиться столь высоких достижений во многих областях. Те, кто находится в основании советской иерархической пирамиды, не имеют привилегий, доставшихся немногим счастливцам или особо одаренным людям. Зарплаты их мизерны, а ввиду высоких цен им приходится нести на себе главное бремя налогов. Сферы, в которых они могут поступать согласно своим желаниям, очень узки и ограниченны, а правители контролируют их поведение с помощью наказаний или угрозы наказаний, а не путем поощрения

желательного поведения вознаграждениями или ненасильственного манипулирования. Советская система сочетает описанные в «1984» методы управления с методами, применяемыми властью в «О дивном новом мире».

Между тем безличные силы, которые нам практически неподвластны, упорно толкают нас в кошмар дивного нового мира. Это безличное давление сознательно усиливают коммерческие и политические организации, разработавшие новые способы манипулирования мыслями и чувствами масс в интересах некоего меньшинства. Способы такого манипулирования мы обсудим в следующих главах. Пока же сосредоточим внимание на тех безличных силах, которые делают мир в высшей степени опасным для демократии и крайне негостеприимным к свободе. Что это за силы? И почему кошмар, который я отнес к седьмому веку Э.Ф., так стремительно приблизился к нам? Ответ на этот вопрос мы найдем там, где начинается жизнь даже самого цивилизованного общества, — на биологическом уровне.

В первый год после Рождества Христова население нашей планеты составляло около двухсот пятидесяти миллионов человек — меньше половины населения современного Китая.

Шестнадцать столетий спустя, когда корабль отцов-пилигримов причалил к американским берегам, число людей на Земле достигло пятисот миллионов. К моменту подписания Декларации независимости население мира составило семьсот миллионов человек. В 1931 году, когда я писал «О дивный новый мир», численность населения достигла отметки в два миллиарда человек. Сегодня, всего двадцать семь лет спустя, нас стало два миллиарда восемьсот тысяч. Что будет завтра? Пенициллин, ДДТ[1] и чистая вода дешевы, и степень их влияния на здоровье общества несопоставима с их ценой. Даже самое бедное правительство богато настолько, что может обеспечить своим подданным контроль за смертностью. Контроль рождаемости — это совершенно другая история. Контроль смертности могут осуществить очень немногие технические специалисты, находящиеся на зарплате щедрого правительства. Контроль рождаемости зависит, напротив, от сотрудничества всего народа с правительством. Его должны осуществлять бесчисленные индивиды, от которых такой контроль потребует разума и силы воли, коими не

[1] Примечания: 1

Химический препарат, применяемый для уничтожения вредных насекомых. — *Примеч. ред.*

обладают неграмотные массы, составляющие большую часть населения мира, и, кроме того (если применять средства механической или фармакологической контрацепции), потребует расходов, которые эти массы не могут себе позволить. Мало того, в мире не существует религий или традиций, приветствующих неограниченную смертность, но зато очень широко распространены религии и социальные обычаи, поощряющие неограниченное деторождение. По этим причинам уменьшение смертности достигается легко, а ограничение рождаемости — с большими трудностями. В последние годы смертность в мире снизилась очень резко. Рождаемость, наоборот, либо осталась на прежнем высоком уровне, либо — в некоторых местах — незначительно снизилась, и темп снижения был очень медленным. Как следствие, численность населения нашей планеты растет сейчас быстрее, чем когда-либо в истории человечества.

Больше того, увеличивается и ежегодный прирост населения. Увеличение прироста подчиняется закону вычисления сложных процентов, но происходит также и нерегулярный прирост, когда в отсталые районы мира проникают современные методы лечения и профилактики

болезней. В среднем ежегодный прирост населения составляет в наше время сорок три миллиона человек. Это означает, что каждые четыре года число людей увеличивается на численность населения Соединенных Штатов, а каждые восемь с половиной лет численность землян увеличивается на население Индии. Согласно приросту населения, характерному для периода от рождения Христа до смерти Елизаветы I, человечеству понадобилось шестнадцать столетий для того, чтобы удвоить свою численность. При современных темпах роста население планеты удвоится меньше чем за полстолетия. При этом фантастически стремительное удвоение народонаселения произойдет на планете, самые плодородные области которой уже очень плотно заселены, а почвы этих областей подвержены эрозии из-за лихорадочных усилий безграмотных крестьян добыть на своих полях максимальные урожаи; минеральные же ресурсы расточаются с бесшабашностью пьяного матроса, оставляющего в портовом кабаке все заработанные деньги.

В созданном мною дивном новом мире проблема численности человечества решена в соответствии с имеющимися природными ресурсами. Была рассчитана оптимальная численность

населения, и эта численность неукоснительно поддерживалась из поколения в поколение (если я правильно помню, то на уровне около двух миллиардов человек). В современном реальном мире проблема перенаселения осталась нерешенной. Напротив, эта проблема с каждым годом становится все более угрожающей. На столь мрачном биологическом фоне разыгрываются все политические, экономические, культурные и психологические драмы нашего времени. К моменту окончания двадцатого века, когда к существующим миллиардам людей прибавится еще несколько миллиардов (ко времени, когда моей внучке исполнится пятьдесят, число людей на планете перевалит за пять с половиной миллиардов), эта биологическая масса напористо и угрожающе выдвинется на авансцену истории. Быстрое увеличение численности населения на фоне истощения природных ресурсов, разрушения социальной стабильности и ухудшения благосостояния отдельных индивидов — сейчас главная проблема человечества, и она останется таковой в течение следующих ста лет, а может быть, и в течение нескольких следующих веков. Некоторые полагают, что 4 октября 1957 года началась новая эра в истории человечества. Но на

самом деле в контексте современного положения вещей все наши восторженные разговоры о спутнике являются абсолютно несущественными и даже, пожалуй, вздорными. Пока, если спуститься с небес на землю и вспомнить о насущных проблемах, наступающая эпоха будет не эпохой покорения космоса, а эпохой катастрофического перенаселения. Пародируя слова старинной песенки, можно задать вопрос:

Космос, которого у вас так много, сможет ли

Разжечь огонь в кухонной печи?

Или космический божок

Приготовит еду на вертеле?

Ответ очевиден, и он отрицательный. Организация поселений на Луне может дать стране, которая сумеет их создать, военное преимущество над потенциальными противниками. Но эти лунные поселения ни на йоту не улучшат жизнь людей, не сделают ее более приемлемой за те пятьдесят лет, в течение которых население на истощенных землях нашей планеты успеет удвоиться. Если даже в далеком будущем станет возможной эмиграция на Марс, если наберется достаточное количество людей, отчаявшихся

настолько, что их устроит жизнь в условиях, напоминающих поселение на вершине горы, вдвое превышающей Эверест, то что это изменит в жизни оставшихся на родной планете людей? В течение последних четырехсот лет многие перебрались из Старого Света в Новый. Но ни их отъезд, ни приток минерального сырья и продовольствия из Америки не решили проблем Старого Света. Отправка незначительного количества человек на Марс (при стоимости в несколько миллионов долларов на каждого) не поможет решить проблему неконтролируемого роста населения и влияния этого роста на возможности и ресурсы нашей планеты. Оставшись нерешенной, данная проблема сделает неразрешимыми все остальные проблемы. Хуже того, перенаселение создаст условия, при которых индивидуальная свобода и достойная жизнь, присущие демократичному обществу, станут невозможными и даже немыслимыми.

Не все диктатуры возникают одинаково. Многие пути ведут к дивному новому миру; однако наиболее короткий и широкий из них — тот, которым мы сегодня идем, путь непомерного роста народонаселения. Сейчас мы кратко рассмотрим причины тесной корреляции между чрезмерной

численностью населения, ее стремительным ростом и укреплением авторитарной философии, подъемом тоталитарных политических систем и правительств.

По мере того как растущее население оказывает все большее давление на имеющиеся ресурсы, экономическое положение общества, претерпевающего рост численности населения, становится все более неустойчивым. Это особенно верно в отношении тех неразвитых регионов, где внезапное снижение смертности, благодаря ДДТ, пенициллину и чистой воде, не сопровождалось соответствующим снижением рождаемости. В некоторых странах Азии и почти во всех регионах Центральной и Южной Америки население увеличивается так быстро, что оно удвоится в течение ближайших двадцати лет. Если бы удалось обеспечить опережающий рост производства еды и промышленных товаров, строительства домов, школ и подготовку учителей, то действительно стало бы возможным улучшить незавидную участь людей, проживающих в этих неразвитых и перенаселенных странах. Но, к несчастью, в данных странах нет достаточного количества сельскохозяйственных машин, как нет и заводов, способных их

производить, а также отсутствует капитал для строительства таких заводов. Капитал — это то, что остается после удовлетворения самых насущных потребностей населения. При этом известно, что в неразвитых странах не удовлетворяются насущные потребности большинства населения. В конце каждого года в таких странах не остается практически никаких излишков, а вследствие этого отсутствует и капитал, необходимый для создания промышленных и сельскохозяйственных предприятий, посредством которых можно было бы удовлетворить, наконец, насущные потребности людей. Более того, во всех неразвитых странах имеет место серьезный дефицит подготовленных кадров, без которых не могут работать современные промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Имеющиеся учебные заведения не способны справиться с решением возникшей задачи; то же самое касается неадекватности сложившейся ситуации наличных финансовых и культурных ресурсов, размер которых не позволяет в необходимом темпе улучшить и преобразовать существующие образовательные учреждения в соответствии с современными требованиями. Между тем население некоторых неразвитых стран увеличивается со скоростью

трех процентов в год.

Эта трагическая ситуация обсуждается в одной важной книге, опубликованной в 1952 году, — «Следующие сто лет». Книгу написали профессора Гаррисон Браун, Джеймс Боннер и Джон Уир из Калифорнийского технологического института. Каким образом человечество справляется с проблемой стремительного роста населения? Как выясняется, не слишком успешно. «Имеющиеся данные позволяют предположить, что в большинстве неразвитых стран положение отдельно взятого среднего индивида значительно ухудшилось за последние полстолетия. Люди стали хуже питаться. Теперь им в меньшей степени доступны промышленные товары. Практически все попытки улучшить положение неизменно разбиваются беспощадным натиском продолжающегося роста населения».

В тяжелые времена, когда экономическая жизнь общества становится неустойчивой, центральные правительства бывают вынуждены брать на себя ответственность за благосостояние страны. Правительство в такой ситуации должно выработать план выхода из создавшегося положения; как правило, оно вынуждено накладывать еще большие ограничения на дея-

тельность граждан, и если, что весьма вероятно, ухудшение экономических условий приводит к политической нестабильности или открытому мятежу, то центральное правительство по необходимости вмешивается, чтобы сохранить общественный порядок. В этой ситуации власть все в большей степени сосредоточивается в руках высшего руководства и его чиновников. Однако природа власти такова, что даже те правители, которые в самом начале того не желали, вкусив всю полноту власти, стремятся расширить свое влияние. «Не введи нас во искушение», — молимся мы, и в этой молитве заложен очень глубокий смысл, ибо если человека искушать великими соблазнами или продолжительное время, то такой человек рано или поздно искушению поддастся. Демократическая конституция — это инструмент, не позволяющий правителям подвергаться опасному искушению, которое обычно возникает, когда в одних руках концентрируется слишком много власти. Подобные конституции особенно хорошо работают в таких странах, как Британия или Соединенные Штаты, где существует традиционное уважение к конституционным процедурам. Там, где слабы республиканские или умеренно-монархические

традиции, самая лучшая конституция не сможет удержать амбициозных политиков от вполне добровольного попадания в ловушку искушения властью. И надо сказать, в любой стране, где численность населения начинает перегружать имеющиеся ресурсы, такое искушение просто не может не возникнуть. Перенаселение ведет к экономической нестабильности и политическим волнениям. Волнения, недовольство и экономическая неустойчивость заставляют центральное правительство прибегать к усилению контроля и сосредоточению в своих руках все большей власти. В отсутствие конституционной традиции такая концентрация власти вырождается в диктатуру. Это происходило бы даже в том случае, если бы не был изобретен коммунизм. Но коммунизм был изобретен. Учитывая данный факт, мы должны считать, что вероятность перенаселения, ведущего через политическую нестабильность к установлению диктатуры, приближается к единице. Можно биться об заклад, что через двадцать лет все перенаселенные и неразвитые страны окажутся под властью тоталитарных режимов, возможно, коммунистических.

Как такое развитие событий повлияет на перенаселенные, но промышленно развитые и пока

демократические страны Европы? Если новые диктатуры окажутся им враждебны и если будет преднамеренно приостановлен поток сырья из неразвитых стран, то европейские государства окажутся в реально тяжелом положении. Их промышленность пошатнется, а высокоразвитые технологии, которые до сих пор позволяли поддерживать достойный уровень жизни народа с помощью внешних ресурсов, превосходящих внутренние, не смогут защитить от последствий проживания многочисленного населения на слишком маленькой территории. Если это произойдет, то могучие силы, порожденные неблагоприятными условиями, начнут давить на центральные правительства, подталкивая их к тоталитарной диктатуре.

В настоящее время Соединенные Штаты не являются перенаселенной страной. Если, однако, численность населения продолжит возрастать современными темпами (которые выше, чем в Индии, но, к счастью, ниже, чем в Мексике или Гватемале), то проблема соотношения численности людей и имеющихся ресурсов может встать во весь рост уже к началу двадцать первого века. В настоящее время, конечно, перенаселение прямо не угрожает личной свободе американцев.

Но косвенно такая угроза существует, маячит на горизонте. Если перенаселение толкнет неразвитые страны к тоталитаризму и если новые диктатуры станут союзниками России, то положение Соединенных Штатов станет менее безопасным, и им придется обратить больше внимания на укрепление обороноспособности и подготовку к отражению возможного нападения. Однако, как всем нам известно, свобода не может процветать в стране, которая постоянно находится в состоянии войны или даже постоянно готовится к войне. Непрерывно продолжающийся кризис оправдывает перманентный контроль всего и вся агентами центрального правительства. Но именно непрерывно продолжающегося кризиса мы должны ожидать в мире, где перенаселение порождает положение вещей, при котором практически неизбежными становятся диктатуры, выступающие под знаменами коммунизма.

Глава 2
Количество, качество и мораль

В дивном новом мире, порожденном моей мрачной фантазией, вовсю практикуют евгенику и дисгенику. В одних пробирках биологически высококачественные яйцеклетки оплодотворяют высококачественными сперматозоидами, а полученные эмбрионы помещают в идеальные условия. В результате получают бета-, альфа– и даже альфа-плюс-особей. В других, куда более многочисленных, пробирках второсортные яйцеклетки оплодотворяют такими же второсортными сперматозоидами, а эмбрионы по ходу роста, согласно методу Бокановского (девяносто шесть идентичных близнецов, полученных из одной оплодотворенной яйцеклетки), обрабатывают этанолом и другими ядами, нарушающими структуру белков. Полученные в результате создания были, собственно говоря, недочеловеками, способными, однако, к неквалифицированному труду. При соответствующей дрессировке удавалось уменьшать их внутреннее недовольство доступом к противоположному полу, бесплатны-

ми развлечениями и подкреплением хорошего поведения ежедневной дозой *сомы*. Такие «люди» не доставляли никаких хлопот генетической элите.

Сейчас, во второй половине двадцатого века, мы не занимаемся систематической селекцией людей; но бессистемное размножение привело не только к перенаселению планеты, но и к ухудшению биологических качеств населения. В прежние тяжелые времена дети даже с небольшими наследственными нарушениями редко доживали до зрелого возраста. Сегодня, благодаря достижениям диагностики, фармакологии и улучшениям условий жизни, дети с наследственными аномалиями доживают до репродуктивного возраста, вступают в брак и производят на свет потомство. Таким образом, в современных условиях прогресс медицины приводит к повышению выживаемости индивидов, пораженных теми или иными генетическими заболеваниями. Несмотря на новейшие чудо-лекарства (а в некотором смысле именно благодаря им), физическое здоровье общей популяции не будет улучшаться, а скорее, наоборот, ухудшится. Параллельно с упадком физического здоровья будет происходить и упадок интеллектуальности. В

самом деле, многие авторитетные специалисты убеждены в том, что такой упадок уже произошел и продолжает развиваться. «В современных условиях — очень щадящих и одновременно неуправляемых, — пишет доктор У. Г. Шелдон, — из популяции удаляется лучший генофонд, и в ней начинает преобладать худший во всех отношениях… В некоторых научных кругах стало модой убеждать студентов в том, что тревога в связи с неравномерностью рождаемости в этих двух популяциях ничем не обоснована; что данные проблемы носят чисто экономический, или образовательный характер, или характер религиозный, культурный и прочее. Это наивный оптимизм. Репродуктивные нарушения имеют биологический и основополагающий характер». Далее Шелдон добавляет: «Никто не знает, насколько снизился показатель IQ в этой стране (США) с 1916 года, когда Терман попытался стандартизовать показатель IQ-100».

Могут ли демократические институты спонтанно возникнуть в неразвитых и перенаселенных странах, где четыре пятых населения получают меньше двух тысяч калорий в сутки и лишь одна пятая питается нормально? И способны ли эти демократические институты выжить в таких

странах, если будут навязаны извне или сверху?

Теперь представим себе богатую, промышленно развитую демократическую страну, в которой, благодаря случайно происходящим процессам дисгеники, наблюдается упадок физического и умственного здоровья нации. Как долго сможет такое общество поддерживать на прежнем уровне свои традиции индивидуальной свободы и демократического способа правления? Ответ на этот вопрос узнают наши дети и внуки через пятьдесят или сто лет.

В то же самое время мы сейчас столкнулись с очень тревожной моральной проблемой. Мы знаем, что достижение благих целей не оправдывает средства. Но что делать в таких ситуациях, когда, как это все чаще происходит сейчас, нравственно оправданные средства приводят к плохим результатам?

Например, мы прибываем на какой-то тропический остров и с помощью ДДТ искореняем на нем малярию, спасая в течение двух-трех лет сотни тысяч жизней. Это несомненное добро. Но сотни тысяч спасенных от смерти людей и миллионы их потомков будет невозможно одеть, обуть, снабдить жильем, учить в школах и даже просто прокормить из-за скудости ресурсов ост-

рова. Быструю смерть от малярии нам удастся предотвратить, но жизнь спасенных людей будет невыносимой от недоедания и перенаселения. Такие случаи в наше время становятся правилом, и голодная смерть грозит все большему числу людей.

Что можно сказать о страдающих генетическими аномалиями людях, которых наша медицина способна спасти и вырастить до того возраста, когда они могут вступать в брак и производить на свет детей? Помогать несчастным — это несомненно благое дело. Но повышение вероятности передачи нашим потомкам неблагоприятных мутаций и прогрессивное ухудшение генофонда, из которого люди будут черпать свою наследственность, отнюдь не являются благом. Мы находимся перед тяжелейшей нравственной дилеммой, и для того, чтобы найти достойный выход, потребуется весь наш интеллект и вся наша доброта.

Глава 3
Чрезмерная организация

Самый короткий путь в кошмар дивного нового мира, как я уже упоминал, ведет через перенаселение и стремительный рост численности человеческих существ — два миллиарда восемьсот миллионов человек сегодня и около четырех с половиной миллиардов в начале следующего столетия. При этом большая часть человечества стоит перед выбором двух ужасных альтернатив — анархии или тоталитаризма. Однако растущее давление численности населения на доступные ресурсы не является единственной силой, толкающей нас к тоталитаризму. Этот слепой биологический враг свободы выступает ближайшим союзником технического прогресса, которым мы страшно гордимся. Гордимся, надо добавить, с полным правом, ибо этот прогресс является плодом гения и тяжкого труда, безупречной логики, богатого воображения и самоотречения — другими словами, моральных и интеллектуальных добродетелей, которыми мы можем лишь искренне восхищаться. Но при-

рода вещей такова, что никто в мире не получает ничего даром. За удивительные и восхитительные достижения надо платить. В самом деле, ситуация вызывает ассоциацию с новейшей, купленной в кредит стиральной машиной, где каждый следующий платеж становится больше предыдущего. Многие историки, социологи и психологи исписали груды бумаги, озабоченные ценой, которую западный человек платит сейчас и будет платить впредь за технический прогресс. Все эти специалисты подчеркивают, например, что едва ли можно ожидать процветания демократии в обществах, где наблюдается нарастающая концентрация и централизация власти. Однако технический прогресс уже привел и продолжает вести именно к такой концентрации и централизации власти. По мере того, как механизмы массового производства становятся все более эффективными, они становятся также и более сложными и дорогими, а значит, менее доступными для предпринимателей, обладающих ограниченными средствами. Кроме того, массовое производство не может работать без массового разделения труда, но массовое разделение труда порождает проблемы, решить которые могут только самые крупные производители. В

мире массового производства и массового разделения труда маленький человек, не обладающий достаточно большим капиталом, оказывается в заведомо проигрышном положении. В соревновании с большим человеком он неизбежно теряет свои деньги, а в конечном счете и саму возможность существования в качестве независимого производителя. Большой человек подчиняет, а затем просто пожирает человека маленького. По мере исчезновения из экономики маленьких людей все большая экономическая власть сосредоточивается в руках очень немногих больших людей. В условиях диктатуры большой бизнес, возникший в результате технического прогресса и последующего уничтожения малого бизнеса, контролируется государством, то есть небольшой группой партийных лидеров, военных, полицейских и гражданских чиновников, выполняющих ее приказы. При капиталистической демократии, как, например, в Соединенных Штатах, большой бизнес контролируется, по мнению профессора Райта Миллса, так называемой властной элитой. Властная элита непосредственно эксплуатирует несколько миллионов людей, работающих на ее предприятиях, в учреждениях и магазинах, контролирует еще больше миллионов человек,

одалживая им деньги на покупку своей продукции, а благодаря монополии в области средств массовой коммуникации влияет на мысли, чувства и поступки практически всего населения. Пародируя слова Уинстона Черчилля, можно сказать, что никогда столь немногие не манипулировали столь многими. Мы сейчас невероятно далеки от идеала Джефферсона, представлявшего себе идеальное, поистине свободное общество как иерархию самоуправляющихся единиц — «элементарных республик домохозяйств, республик графств, республик штатов и республики союза штатов, что создает градацию власти».

Таким образом, мы видим, что современная технология привела к концентрации экономической и политической власти и к появлению общества, контролируемого (беспощадно в тоталитарном государстве и мягко и ненавязчиво в государстве демократическом) большим бизнесом и большим правительством. Однако общества состоят из индивидов и хороши только тогда, когда помогают индивидам реализовать их потенциал и вести счастливую и плодотворную жизнь. Как повлиял на индивидов современный технический прогресс? Вот ответ, данный на этот вопрос философом и психиатром Эрихом

Фромом: «Наше современное западное общество, несмотря на его материальный, интеллектуальный и политический прогресс, все меньше способствует душевному здоровью, а напротив, все больше подрывает уверенность, счастье, разум и способность к любви у отдельных индивидов; общество превращает индивида в автомат, который платит за свое нечеловеческое существование нарастающей душевной слабостью и отчаянием, прячущимися под маской неистового трудолюбия и погони за так называемыми удовольствиями».

Нарастающая «душевная слабость» может выражаться невротическими симптомами. Эти симптомы хорошо заметны и вызывают большую тревогу. Но «давайте не будем, — говорит доктор Фромм, — ратовать за умственную и психологическую гигиену как за средство профилактики симптомов. Симптомы не являются нашими врагами, наоборот, они — наши друзья; там, где есть симптом, есть и конфликт, а конфликт указывает на то, что жизненные силы, стремящиеся к интеграции и счастью, еще не погибли и продолжают сражаться». По-настоящему безнадежные жертвы душевного страдания как раз находятся среди тех, кто выглядит совершенно нормаль-

ным. «Многие из них нормальны, потому что хорошо приспособились к нашему образу жизни, потому что их человеческий голос был заглушен на такой ранней стадии их жизни, что они не боролись, а поэтому и не страдали симптомами, характерными для невротиков». Эти люди нормальны не в общепринятом узком смысле данного слова; нормальны только по отношению к нашему абсолютно ненормальному обществу. Их идеальная адаптация к этому ненормальному обществу является мерой их душевного заболевания. Эти миллионы аномально нормальных людей, безбедно существующих в обществе, к которому, если бы они сумели полностью сохранить свою человеческую сущность, они не смогли бы приспособиться, но зато «лелеяли бы иллюзию индивидуальности», хотя на самом деле общество безжалостно лишило их настоящей индивидуальности. Конформизм в этой ситуации превращается в единообразие. Но «единообразие и свобода несовместимы. Единообразие и душевное здоровье тоже несовместимы… Человек не создан для того, чтобы быть автоматом, и если он им становится, то рушится само основание его душевного здоровья».

В ходе эволюции природа породила великую

проблему, создав индивидов абсолютно непохожими друг на друга. Мы воспроизводим свой вид, соединяя отцовские гены с материнскими. Наследственные факторы комбинируются между собой бесчисленными способами, и в результате каждый из нас уникален — физически и ментально. Любая культура, которая в интересах эффективности или во имя какой-либо политической или религиозной догмы пытается стандартизировать человеческую индивидуальность, совершает преступное насилие над биологической природой человека.

Науку можно определить как метод сведения множественности к единству. Наука стремится объяснить бесконечно разнообразные природные феномены, игнорируя уникальность единичных, частных, событий, сосредоточив внимание на том общем, что есть у этих феноменов, и, проанализировав события, формулирует абстрактный «закон», согласно которому феномены обретают определенный смысл и становятся доступными оценке и анализу. Например, яблоки с незапамятных времен падали с деревьев, а Луна вращалась вокруг Земли. Люди наблюдали эти факты в течение всей своей истории. Однако лишь Исаак Ньютон понял, что общего между

этими феноменами, и сформулировал теорию всемирного тяготения, согласно которой определенные аспекты поведения яблок, небесных тел, как, впрочем, и всех тел во Вселенной, можно объяснить, исходя из стандартизированного набора определенных идей. В таком же духе художник воспринимает бесконечное разнообразие и уникальные отдельные проявления внешнего мира, добавляет к восприятию силу своего воображения и придает разнообразию смысл, упорядочивая его средствами живописи, скульптуры, слова или музыки. Желание упорядочить хаос, вывести гармонию из диссонанса и единство из многообразия — это присущий человеку интеллектуальный инстинкт, фундаментальная потребность ума. В сферах науки, искусства и философии произведения того, что я могу назвать «волей к порядку», играют весьма благотворную роль. Конечно, надо помнить, что воля к порядку создала множество скороспелых заключений, основанных на слишком скудных данных, породила немало абсурдных систем в метафизике и теологии, большое количество педантичных и неверных толкований реальности, вывела массу неверных символов и абстракций из непосредственного и некорректно оцененного

чувственного опыта. Но эти ошибки, какими бы прискорбными они ни были, не причиняют большого вреда непосредственно — хотя иногда случается, что они наносят вред косвенно, когда, например, какие-то философские системы используются для оправдания бессмысленных и бесчеловечных действий. И именно в социальной сфере, в сфере политики и экономики воля к порядку становится особенно опасной.

Здесь теоретическое сведение немыслимой множественности к понятному единообразию становится практически сведением человеческого разнообразия к бесчеловечному единству, приводит к превращению свободы в рабство. В политике эквивалентом полностью разработанной научной теории или философской системы является тоталитарная диктатура. В экономике эквивалентом совершенного произведения искусства является безупречно функционирующая фабрика, где рабочие становятся идеальными придатками машин. Воля к порядку может превратить в тиранов тех, кто просто надеется упорядочить хаос. Красота идеально работающего механизма служит оправданием деспотии.

Организация необходима, ибо свобода возникает и обретает смысл только внутри са-

моуправляющегося сообщества добровольно сотрудничающих индивидов. Но при всей своей необходимости организация может стать и смертельно опасной. Чрезмерная организованность превращает мужчин и женщин в автоматы, душит дух творчества и ликвидирует саму возможность свободы. Как всегда, выходом является золотая середина, равновесие между крайностями *laissez-faire*[2], с одной стороны, и тотальным контролем всего и вся — с другой.

В течение прошлого столетия прогресс технологии неизменно сопровождался соответствующим прогрессом в организации. Сложное машинное производство потребовало сложной же социальной структурированности. Общество должно было стать таким же эффективным и безупречно работающим, как и новые средства производства. Для того чтобы соответствовать этой организации, индивидам пришлось урезать свою индивидуальность, отказаться от врожденного разнообразия и втиснуться в стандартные рамки, то есть сделать все, чтобы превратить себя в автоматы.

Дегуманизация индивидов под влиянием

---

[2] Примечания: 2
Принцип невмешательства (*фр.*). — *Примеч. пер.*

чрезмерной организованности усиливается вследствие действующих в том же направлении эффектов перенаселения. Промышленность по мере своего распространения заставляет все большую долю населения перемещаться в крупные города. Однако жизнь в больших городах не располагает к душевному здоровью (наибольшая заболеваемость шизофренией, как утверждают специалисты, характерна именно для скученных обитателей городских трущоб). Жизнь в городах не благоприятствует возникновению осознанной ответственной свободы, характерной для мелких самоуправляющихся общин и являющейся главным условием существования подлинной демократии. Городская жизнь анонимна и как таковая абстрактна. Люди вступают в отношения друг с другом не как полноценные цельные личности, а как воплощения экономических функций или, если контакты происходят вне работы, как безответственные искатели развлечений. Вынужденные влачить такую жизнь, люди начинают ощущать свое одиночество и никчемность. Существование теряет смысл и значение.

С биологической точки зрения человек — животное, отличающееся умеренной тягой к

общению, в этом отношении люди больше похожи на волков или, скажем, на слонов, чем на пчел или муравьев. В своей исходной форме человеческие сообщества не были похожи ни на ульи, ни на муравейники; скорее это были стаи. Приход к цивилизации, среди прочего, — это процесс, в ходе которого первобытные стаи превратились в грубый, механистический аналог органических сообществ социальных насекомых. В настоящее время давление перенаселения и технологические изменения в еще большей степени ускоряют этот процесс. Термитник становится вполне реализуемым, а по мнению некоторых, даже желаемым идеалом. Излишне говорить, что этот идеал никогда не будет достигнут. Громадная, бездонная пропасть отделяет социальных насекомых от обладающих большим мозгом млекопитающих, и даже если млекопитающее совершит над собой неимоверное усилие для того, чтобы превратиться в насекомое, эта пропасть все равно останется. Несмотря на все попытки, люди не смогут создать социальный организм, они смогут создать лишь организацию.

В «О дивном новом мире» нарисована фантастическая и грубая картина общества, в котором попытка превратить людей в термитов доведена

до границ гротеска, до границ возможного. То, что нас ведут в этом направлении, совершенно очевидно. Однако не менее очевидно и то, что мы сможем, если захотим, отказаться сотрудничать со слепыми силами, подталкивающими нас к термитнику. В настоящий момент, однако, представляется, что это желание не слишком сильно и не очень широко распространено. Как показал мистер Уильям Уайт в своей замечательной книге «Человек организации», новая общественная этика постепенно замещает нашу традиционную этическую систему — систему, где утвержден примат индивидуальности. Ключевыми понятиями новой социальной этики являются «приспособление», «адаптация», «социально ориентированное поведение», «принадлежность», «приобретение социальных навыков», «работа в команде», «жизнь в группе», «лояльность к группе», «групповая динамика», «коллективное мышление», «коллективное творчество». Основной предпосылкой является то, что общественное целое всегда более ценно, чем составляющие его индивидуальные части, что врожденные биологические различия должны быть принесены в жертву культурному единообразию, что права коллектива имеют преимущество перед феноме-

ном, который в восемнадцатом веке был назван правами человека. Согласно социальной этике, Иисус заблуждался, утверждая, что суббота для человека, а не человек для субботы. Напротив, человек создан именно, только и исключительно, для субботы и должен жертвовать своей уникальностью и притворяться, что он является своего рода стандартизированной, смешанной личностью, которую организаторы сочтут идеальной для своих целей. Идеальный человек — это индивид, проявляющий «динамический конформизм» (какое изумительное выражение!), отличающийся непоколебимой верностью коллективу и неистребимым стремлением подчиняться и принадлежать. Идеальный мужчина должен иметь идеальную жену, быть общительным, уметь приспосабливаться, а женщина не должна возмущаться тем фактом, что ее муж верен, прежде всего, не ей, а корпорации, но верен к ее же выгоде. «Он за Бога, — сказал Мильтон об Адаме и Еве, — а она за Бога в нем». В одном важном отношении жена идеально организованного человека гораздо хуже нашей великой праматери. Ей и Адаму Господь разрешил невозбранно предаваться юношеским «шалостям».

…Адам,

Я полагаю, от подруги милой
Не отвернулся, так же и жена
Отказом не ответила, блюдя
Обычай сокровенный и святой
Любви супружеской[3].

Сегодня, по мнению одного автора, опубликовавшего статью в «Гарвард бизнес ревю», жена человека, пытающегося жить согласно идеалам социальной этики, «не должна слишком сильно претендовать на время и интересы мужа. Из-за сосредоточенности на работе он должен ставить на второе место свои сексуальные потребности». Монах дает обет жить в бедности, послушании и целомудрии. Организованному человеку позволено быть богатым в обмен на послушание (он принимает власть над собой без возмущения, смотрит в рот своим начальникам — *Mussolini ha sempre ragione*[4]), и ради процветания и славы организации, к которой он принадлежит, такой идеальный человек должен отказаться от супру-

[3] Примечания: 3
Цитата из «Потерянного рая» Дж. Мильтона в переводе А. Штейнберга. — *Примеч. ред.*

[4] Примечания: 4
Муссолини всегда прав (*ит.*). — *Примеч. пер.*

жеской любви»[5].

Стоит в этой связи заметить, что в «1984» члены партии вынуждены подчиняться половой этике, по сравнению с которой пуританская этика выглядит распутством. В «О дивном новом мире», с другой стороны, всем разрешено потакать своим сексуальным устремлениям без всяких разрешений и запретов. Общество в сюжете Оруэлла — это общество, непрерывно находящееся в состоянии войны. Целью его правителей является, во-первых, сохранение умопомрачительной власти ради власти как таковой, а во-вторых, содержание подданных в состоянии постоянного напряжения, которого война требует от тех, кто ее ведет. Ополчившись против сексуальности, правители получают возможность поддерживать напряжение, требуемое для удовлетворения жажды власти, самым приятным из возможных способов. Общество, описанное в «О дивном новом мире», — это общество мировой державы, из которого война давно исключена, а правитель-

[5] Примечания: 5

Под властью Мао Цзэдуна эти капиталистические советы по совершенству стали заповедями и приняли силу государственных актов. В новых народных коммунах брак был отменен. Для того чтобы избавиться от ненужной нежности в отношениях, мужья и жены живут в разных бараках и спят вместе только один-два часа (как клиенты с проститутками) по субботам. — *Примеч. авт.*

ство считает своей главной целью не допустить, чтобы подданные создавали для него проблемы. Этого власть достигает (среди прочих средств) легализацией определенной свободы половых отношений (достигаемой путем упразднения семьи как общественного института), что практически гарантирует обитателям дивного нового мира отсутствие всякого деструктивного (а заодно и творческого) напряжения. В «1984» жажда власти удовлетворяется причинением боли, в «О дивном новом мире» — чуть менее унизительными удовольствиями.

Современная социальная этика — и это очевидно — является лишь сделанной постфактум попыткой оправдать последствия чрезмерной организованности общества. Это патетическая попытка превратить необходимость в добродетель, извлечь нечто позитивное из неприятных фактов. Нереалистическая, а следовательно, весьма опасная система морали и нравственности. Социальная общность, чьи ценности ставятся выше ценностей составляющих его частей, не является организмом в смысле муравейника или термитника. Это всего лишь организация, часть социального механизма. Здесь не может быть никаких ценностей, за исключением тех, что

связаны с жизнью и просвещением. Организация не является осознающим себя живым существом. Ее ценности утилитарны и вторичны. Она не хороша сама по себе, она хороша лишь в той степени, в какой предоставляет блага индивидам, являющимся частью коллективного целого. Предоставить организации примат над личностью — значит подчинить цель средствам. Что происходит, когда цели подчиняют средствам, превосходно показали Гитлер и Сталин. Под их чудовищным руководством личные цели были подчинены целям организации, причем подчинены насилием и пропагандой, систематическим террором и манипуляцией умами. В более эффективных диктатурах ближайшего будущего насилия, вероятно, будет намного меньше, чем при Гитлере и Сталине. Подданных будущих диктаторов станут безболезненно дрессировать специально обученные социальные инженеры. «Задачи социальной инженерии в наше время, — пишет один из восторженных поборников этой новой науки, — подобны задачам технической инженерии пятьдесят лет назад. Первая половина двадцатого века была эпохой технической инженерии, а вторая его половина вполне может стать эпохой социальной инженерии». Полагаю,

что двадцать первый век станет началом эпохи мировых вождей, воплощением научно обоснованной кастовой системы и дивного нового мира. На вопрос *quis custodiet custodes?* — кто будет охранять охранников, то есть кто будет контролировать новоявленных инженеров? — следует незамедлительный и незамысловатый ответ, отрицающий необходимость всякого надзора. Мне кажется, среди докторов социологии укоренилась трогательная вера в то, что они не подвержены развращению властью. Подобно сэру Галахаду эти люди превосходят силой десятерых, потому что они — ученые, потратившие шесть тысяч часов на изучение общественных наук.

Увы, высшее образование не является гарантией высшей добродетели или высшей политической мудрости. К этим опасениям этического и психологического свойства надо добавить опасения чисто научного характера. Можем ли мы принять теории, на которых социальные инженеры собираются основывать свою практику и положениями которых они станут оправдывать свои манипуляции человеческими существами? Например, профессор Элтон Мэйо убеждает нас в том, что «стремление человека объединяться на работе с другими людьми является сильной,

если не сильнейшей, человеческой чертой». Могу с полной уверенностью утверждать, что это неправда. Некоторые люди действительно обладают таким стремлением, а другие — нет. Тут дело в темпераменте и наследственной конституции. Любая социальная организация, основанная на допущении, что «человек» (кто бы ни был этот «человек») всегда желает единения со своими собратьями, превращается для множества реальных людей в прокрустово ложе. И только ампутация или дыбы могут заставить их лечь на него.

Как романтично вводят нас в заблуждение лирические воспевания Средних веков, которыми многие современные теоретики украшают свои труды! «Членство в гильдии, принадлежность к челяди рыцарского замка или к деревенской общине защищали средневекового человека на протяжении всей его жизни и вносили в нее мир и спокойствие». От чего все эти членства и принадлежности защищали его, посмеем мы спросить? Определенно, не от беспощадной жестокости феодального сеньора. Помимо указанного «мира и спокойствия» в течение Средних веков мы видим громадные масштабы хронической подавленности, несчастий и бедствий и страстное

возмущение против застывшей иерархической системы, не допускавшей никакого продвижения вверх по социальной лестнице. А для тех, кто был привязан к земле, существовали строгие ограничения, не позволявшие и горизонтальных перемещений в пространстве. Безличные силы перенаселения и чрезмерной организации, а также социальные инженеры, пытающиеся оформить и направить эти силы, толкают нас в новое Средневековье. Это возрождение будет более приемлемым, чем прежнее Средневековье, на фоне применения таких уловок дивного нового мира, как дрессура младенцев, обучение во сне и введение эйфорических снадобий. Однако для большинства мужчин и женщин оно все равно останется видом неприкрытого рабства.

Глава 4
Пропаганда в демократическом обществе

«Европейские доктрины, — писал Джефферсон, — утверждали, что людей, вовлеченных в многочисленные сообщества, невозможно удерживать в рамках порядка и справедливости, кроме как физическим и моральным принуждением со стороны власти, независимой от их воли… Мы (основатели новой американской демократии) верим в то, что человек — рациональное существо, от природы наделенное правами и врожденным чувством справедливости и защищенное по праву умеренной властью, доверенной им выбранным лицам, исполняющим свои обязанности лишь по его доброй воле». Людям, воспитанным в эпоху после Фрейда, такие речи показались бы трогательно замысловатыми и одновременно наивными. Человеческие существа добры и от рождения справедливы в гораздо меньшей степени, чем думали оптимисты восемнадцатого века. С другой стороны, люди не настолько нравственно слепы и не безнадежно

иррациональны, как пытаются убедить нас пессимисты века двадцатого. Несмотря на власть бессознательного, многочисленные неврозы и удручающе низкий IQ большинства населения, все же значительная часть мужчин и женщин достаточно совестлива и разумна для того, чтобы самостоятельно решать свою судьбу.

Демократические учреждения — это инструменты примирения общественного порядка со свободой и личной инициативой, а также конечного подчинения непосредственной власти правителей власти управляемых. Сам факт, что в Западной Европе и Америке эти инструменты в целом неплохо работают, говорит о том, что оптимисты восемнадцатого века заблуждались не слишком сильно. Если дать людям честный шанс, то они смогут управлять собой, и управлять лучше, хотя, быть может, с меньшей механической эффективностью, чем управляет ими «власть, независимая от их воли». Повторяю, если дать людям честный шанс; ибо такой шанс — это обязательное условие, прерогатива человека. Ни об одном народе, внезапно перешедшем из состояния рабства под властью деспота в неведомое ему состояние политической независимости, нельзя сказать, что он получил честный шанс создать

работающие демократические институты. Ни один народ, находящийся в неустойчивом экономическом положении, не имеет честного шанса управлять собой демократическими методами. Либерализм расцветает в атмосфере благополучия и клонится к закату, когда упадок благополучия вынуждает государство чаще и решительнее вторгаться в дела граждан. Перенаселение и чрезмерная организация — два условия, которые, как я уже подчеркивал, лишают общество честного шанса на эффективную деятельность демократических институтов. Таким образом, мы видим, что существуют определенные исторические, экономические, демографические и технологические условия, каковые делают затруднительным для рациональных существ Джефферсона, наделенных от природы неотчуждаемыми правами и врожденным чувством справедливости, использовать ум, заявлять о своих правах и совершать достойные поступки в демократически организованном обществе. Человечеству на Западе здорово повезло в том, что им дали честный шанс провести великий эксперимент по самоуправлению. К несчастью, у нас, по-видимому, мало-помалу отбирают этот бесконечно дорогой нам честный шанс. Естественно, это только часть

истории. Слепые безличные силы не являются единственными врагами индивидуальной свободы и демократических институтов. Есть и другие силы, отнюдь не столь абстрактные. Силы, которые преднамеренно и сознательно используются стремящимися к власти людьми, целью которых является установление частичного или полного контроля над своими согражданами. Пятьдесят лет назад, когда я был ребенком, всем казалось очевидным, что страшные старые времена навсегда остались в прошлом, что пытки и массовые убийства, рабство и преследование еретиков никогда больше не повторятся. Людям, носившим шляпы, ездившим в поездах и ежедневно принимавшим ванну, возвращение таких ужасов казалось просто нереальным и даже не обсуждалось. В конце концов, мы же жили в двадцатом веке. Всего через несколько лет люди, носившие шляпы, ежедневно принимавшие ванну и ходившие по воскресеньям в церковь, стали совершать злодеяния, которые не снились темным африканцам и азиатам. В свете недавней истории было бы нелепо предполагать, что такое никогда больше не повторится. Без сомнения, повторится. Есть, однако, некоторые основания полагать, что в ближайшем будущем карательные методы,

описанные в «1984», уступят место поощрениям и манипуляциям «О дивного нового мира».

Существует два вида пропаганды — рациональная (разумная), поощряющая к действиям, согласующимся с осознанными интересами тех, кто ее осуществляет, и тех, на кого эта пропаганда направлена, и иррациональная, которая не выражает ничьих осознанных интересов, но направляется страстями, слепыми побуждениями, подсознательными влечениями и страхами, к каковым и апеллирует. В том, что касается действий индивидов, то они в большей степени направляются страстными и экзальтированными мотивами, нежели осознанными эгоистическими интересами; но в том, что касается политической или экономической сферы, осознанный эгоистический интерес является, пожалуй, наиболее эффективным мотивом. Если бы политики и их избиратели всегда действовали в своих интересах или в долгосрочных интересах своей страны, то наш мир давно бы превратился в земной рай. Но в реальности они часто действуют против собственных интересов только для того, чтобы удовлетворить свои не слишком возвышенные страсти; в результате мир превращается в юдоль бесчисленных несчастий. Пропаганда в

пользу действий, соответствующих осознанным интересам, апеллирует к разуму посредством логичных аргументов, основанных на разумных, открытых и честных фактах и доказательствах. Пропаганда в пользу действий, продиктованных подсознательными побуждениями, чуждыми осознанным интересам, предлагает ложные, искаженные или неполные свидетельства, избегает логической аргументации и пытается влиять на своих жертв беспрестанным повторением слов-ловушек, яростными обличениями иностранных или отечественных козлов отпущения и искусным сочетанием низменных страстей с высокими идеалами. Таким образом, отвратительные злодеяния совершаются во имя Бога, а наиболее циничная разновидность *Realpolitik*[6] подменяет сущность религиозных принципов и патриотического долга.

Можно привести слова Джона Дьюи: «Возрождение веры в здравую человеческую природу, в ее умение откликаться на разум и истину, является более надежным бастионом против тоталитаризма, чем демонстрация материальных достижений или неистовое почитание

[6] Примечания: 6

Реальная политика (*нем.*) — вид государственного политического курса, который ввел Бисмарк. — *примеч. пер.*

особых юридических и политических форм». Способность откликаться на разум и истину присутствует у всех нас. Но в нас, к несчастью, присутствует и способность откликаться на глупость и ложь — особенно в тех случаях, когда ложь пробуждает радостные эмоции или когда обращение к глупости задевает заветные струны в первобытных глубинах нашего существа. В некоторых сферах деятельности люди научились откликаться на разум и истину почти всегда. Авторы научных статей не апеллируют к страстям своих ученых коллег. Они описывают то, что, по их разумению, является истиной относительно каких-то аспектов реальности, они используют разум для объяснения наблюдаемых фактов и отстаивают свою точку зрения аргументами, взывающими к разуму других людей. Все это достаточно легко делать в сфере естественных наук и техники. Намного труднее удается это в области политики, религии и этики. Здесь важные факты часто ускользают от нас. Что же касается смысла этих фактов, то это, конечно, зависит от системы идей, в свете которых их предпочитают интерпретировать. И это не единственная трудность, с которой сталкиваются разумные искатели истины. В общественной и частной жизни нередко

случается так, что просто не хватает времени для сбора важных фактов или осознания их значимости. В таких случаях мы вынуждены опираться на недостаточные доказательства, которым не хватает логики. При всем самом искреннем желании мы не способны всегда быть до конца правдивыми и последовательно рациональными. Все, что мы можем, — это быть правдивыми и рациональными настолько, насколько позволяют нам обстоятельства, и наилучшим образом реагировать на ограниченную правду и несовершенную логику.

«Если народ надеется быть одновременно невежественным и свободным, — говорил Джефферсон, — то он надеется на то, чего никогда не было и никогда не будет… Люди не могут находиться в безопасности без информации. Все пребывают в безопасности, если свободна пресса, которая доступна каждому». Еще один страстный поборник разума по другую сторону Атлантики приблизительно в то же самое время думал так же, как Джефферсон. Вот что писал Джон Стюарт Милл о своем отце, философе-утилитаристе Джеймсе Милле: «Так полна и совершенна была его вера в возможность влияния на разум человечества при условии обеспечения доступа к нему, что

он полагал, будто блага можно достичь, если все население научится читать и если все мнения будут ему доступны в устной или печатной форме, а при всеобщем избирательном праве получится создать законодательство, внедряющее в жизнь мнения, которые люди усвоили и стали считать своими». *Всего можно достичь, нет ничего невозможного!* Мы снова слышим нотки оптимизма восемнадцатого столетия. Верно, однако, что Джефферсон был не только оптимистом, но и реалистом. На собственном горьком опыте он знал, как бесстыдно можно злоупотреблять свободой печати. «Ничто, — писал Джефферсон, — из того, что мы читаем в газетах, не заслуживает доверия». Тем не менее он настаивал (и в этом мы должны с ним согласиться), что «под защитой истины печать выступает в благородной роли друга науки и гражданских свобод». Средства массовой информации, к слову, не хороши и не плохи; они всего лишь сила, и, как всякую силу, их можно использовать и во благо, и во вред. При каком-то одном применении печать, радио и кино необходимы для выживания демократии. При другом они становятся надежным оружием в арсенале жестокой диктатуры. В области средств массовой информации, так же как и почти во всех осталь-

ных сферах деятельности, технический прогресс наносит ущерб маленькому человеку и приносит невероятную выгоду большому человеку. Всего пятьдесят лет назад каждая демократическая страна могла похвастать большим числом местных журналов и газет. Тысячи деревенских редакций озвучивали тысячи независимых мнений. В любом, самом отдаленном месте люди имели возможность читать то, что было для них важно и интересно. Сегодня пресса по-прежнему свободна, во всяком случае, юридически, однако большинство местных газет исчезло. Стоимость целлюлозы, современного полиграфического оборудования и новостей от крупных агентств слишком высока и непосильна для маленького человека. На тоталитарном Востоке существует политическая цензура и все средства массовой информации находятся под контролем государства. На демократическом Западе присутствует экономическая цензура средств массовой информации, находящихся под контролем властной элиты. Цензура, осуществляемая повышением цен и концентрацией информационных ресурсов в руках нескольких крупных концернов, вызывает меньше возражений, чем государственная собственность и правительственная пропаганда.

Однако можно с уверенностью сказать, что и подобная цензура не вызовет одобрения такого демократа, как Джефферсон.

В том, что касается пропаганды, прежние поборники всеобщей грамотности и свободной печати видели две возможности: пропаганда может быть правдивой или же лживой. Они не могли предвидеть, что произойдет на самом деле, и прежде всего в наших западных капиталистических демократиях, — появление огромной индустрии средств массовой информации, озабоченной главным образом не правдой или ложью, а заполнением газет и эфира пустой информацией, не имеющей отношения к реальности. Другими словами, они не приняли в расчет практически неутолимое стремление человека к отвлечению.

В прошлом у большинства людей не было никаких шансов полностью удовлетворить это стремление. Они хотели отвлечься, но не могли. Рождество наступало лишь один раз в году, праздники были «серьезными и редкими». Читателей насчитывалось мало, и им почти нечего было читать. Ближайшим местом просмотров кинофильмов являлась приходская церковь, где часто устраивали представления, правда довольно скучные и монотонные. В поисках условий, пусть

даже отдаленно напоминающих нашу современную жизнь, нам придется обратиться к временам Римской империи, где хорошее настроение населения поддерживали частыми и бесплатными, а самое главное, грандиозными развлечениями — от поэтических пьес до гладиаторских боев, от публичного чтения стихов Вергилия до вольной борьбы, от концертов до военных парадов и публичных казней. Но даже в Риме не было ничего похожего на безостановочное отвлечение, поставляемое газетами, журналами, радио, телевидением и кинематографом. В «О дивном новом мире» беспрестанные развлечения самого очаровательного характера (ощущалки, «пей-гу-ляй-гу», центробежная лапта) сознательно используются как политические инструменты, призванные мешать людям обращать внимание на социальные и политические реалии окружающей жизни.

Потусторонний мир религии отличается от иного мира развлечений, но они похожи тем, что и религия, и развлечения суть явления «не от мира сего». И то и другое является отвлечением, оба явления при длительном существовании становятся, по словам Маркса, «опиумом для народа», а следовательно, угрозой свободе. Только

бдительность может сохранить свободы, и только те, кто постоянно и разумно ограничивают себя, могут надеяться на эффективное использование демократических процедур. Общество, большая часть членов которого проводит время не здесь и сейчас, не планирует разумно свое будущее, но постоянно пребывает в пустых мирах спорта, мыльных опер, мифологии и метафизических фантазий, не сможет эффективно сопротивляться посягательствам людей, стремящихся его контролировать и манипулировать им.

В современной пропаганде диктаторы опираются по большей части на повторение, подавление и рационализацию. Повторение лозунгов, истинность которых диктатор хочет внушить населению, подавление фактов, которые диктатор желает игнорировать, возбуждение и рационализация страстей, которые можно использовать в интересах партии или государства. По мере того, как провластные ученые будут лучше разбираться в искусстве и науке манипулирования, диктаторы будущего, без сомнения, научатся сочетать свою излюбленную тактику с бесконечными отвлечениями, которые на Западе уже сейчас угрожают утопить в море вздорной пустоты суть рациональной пропаганды, которая

в одиночку может способствовать сохранению личных свобод и демократических институтов.

Глава 5
Пропаганда в условиях диктатуры

Выступая после окончания Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе, гитлеровский министр вооружений Альберт Шпеер произнес длинную речь, в которой с поразительной ясностью описал фашистскую тиранию и проанализировал ее методы. «Гитлеровская диктатура, — сказал Шпеер, — отличалась от всех своих предшественниц в истории в одном фундаментальном пункте. Это была первая диктатура, оснащенная всеми техническими достижениями современности, диктатура, в полной мере воспользовавшаяся всеми техническими средствами ради достижения абсолютного господства в своей стране. С помощью радиоприемников и уличных громкоговорителей она лишила восемьдесят миллионов человек способности независимо и самостоятельно мыслить. Так стало возможным полное их подчинение воле одного человека… Прежние диктаторы нуждались в высококвалифицированных помощниках даже

на самом низшем уровне — в людях, которые умели бы самостоятельно поступать и мыслить. Тоталитарная система в период современного технического прогресса может обойтись без таких людей. Благодаря новейшим методам коммуникации стало возможным механизировать руководство на низшем уровне. В результате возник новый тип некритического восприятия приказов и распоряжений».

В «О дивном новом мире» напророченная мною технология намного превосходила уровень, достигнутый во времена Гитлера; следовательно, те, кто слушал приказы, были настроены еще менее критически, чем подданные нацистского рейха, и более лояльно относились к правящей элите. Кроме того, их генетически стандартизировали и выдрессировали на выполнение определенных функций, а значит, они были почти так же предсказуемы в своем поведении, как машины. Как мы увидим в следующих главах, эта дрессировка «низовых руководителей» уже внедрена в коммунистических диктатурах. Китайцы и русские полагаются не только на косвенные эффекты передовых технологий; они прямо и непосредственно влияют на психофизические организмы низовых руководителей,

подвергая их умы и тела беспощадной и, по всей видимости, эффективной дрессировке. «Очень многих, — говорил Шпеер, — словно ночной кошмар, преследовала мысль о том, что когда-нибудь все народы окажутся под властью техники. Этот кошмар был почти полностью реализован в гитлеровской тоталитарной системе». Почти, но не совсем. Нацистам не хватило времени — и, возможно, ума и необходимых знаний — для того, чтобы подвергнуть дрессировке низшее звено руководства. Вероятно, в этом и заключалась одна из причин их краха.

За время, прошедшее после правления Гитлера, арсенал технических средств в распоряжении потенциальных диктаторов значительно пополнился. Помимо радио, громкоговорителей, движущихся картинок кинематографа и ротационной машины, современный пропагандист может пользоваться телевидением для распространения образов и голосов своих клиентов, а также имеет возможность записывать эти образы и голоса на катушки магнитной ленты. Благодаря техническому прогрессу Большой Брат стал почти таким же вездесущим, как Бог. Мощь потенциальных диктаторов возросла не только в области технологий. Со времен Гитлера

многое было сделано в сфере прикладной психологии и неврологии, а это очень важные области для специалистов по пропаганде, оболваниванию населения и промыванию мозгов. Ранее на воспитании умонастроений людей специализировались эмпирики. Методом проб и ошибок они выработали ряд приемов и процедур, которые весьма эффективно использовали, не понимая, впрочем, причины их эффективности. Сегодня же искусство влияния на умы становится наукой. Специалисты в данной области знают, что и зачем они делают, в своей работе руководствуясь теориями и гипотезами, основанными на солидном фундаменте экспериментальных данных. С помощью новых знаний и новых методик, ставших возможными благодаря полученному опыту, кошмар, который был «почти полностью реализован в гитлеровской тоталитарной системе», скоро воплотится в жизнь окончательно.

Но прежде чем мы приступим к обсуждению этих новых знаний и методик, давайте все же рассмотрим те ужасающие методы, что были почти воплощены в нацистской Германии. Что позволило Гитлеру и Геббельсу «лишить восемьдесят миллионов человек способности к независимому и самостоятельному мышлению и

подчинить их воле вождя»? Каковы были теории о человеческой природе, на которых основывались эти чудовищно успешные методы? На эти вопросы можно ответить по большей части словами самого Гитлера. Какие это замечательные и проницательные слова! Когда Гитлер пишет о расовой истории и провидении, его просто невозможно читать. Однако когда он пишет о немецких массах и методах господства над ними, его стиль разительно меняется. Вздор уступает место глубокому смыслу, напыщенность превращается в жестокую и циничную правду. В своих философских пассажах Гитлер был либо туманным мечтателем, либо эпигоном чужих поверхностных идей и незрелых мыслей. В своих комментариях о толпе и пропаганде он писал о вещах, известных ему на собственном опыте. По мнению его лучшего биографа, господина Алана Буллока, «Гитлер был величайшим демагогом в истории. Те же, кто добавляют: «И только демагогом», недооценивают природу политической власти в эпоху массовой политики. Как сказал сам Гитлер: «Быть лидером — значит уметь двигать массами». Первой целью нациста было овладение массами, а затем их освобождение от традиционных ценностей и нравственности, на-

вязывание им (с загипнотизированного согласия большинства) нового авторитарного порядка, им, Гитлером, сконструированного. «Гитлер, — писал в 1939 году Герман Раушнинг, — испытывает глубокое уважение к католической церкви и ордену иезуитов, и не за их христианское учение, но за созданную ими машину управления и контроля, за мощную иерархию, за умную тактику, за знание человеческой природы и мудрое использование человеческих слабостей в руководстве верующими». Церковность, лишенная христианства, дисциплина монашеского ордена не ради Господа и не ради собственного спасения, но ради государства и для большей славы демагога-вождя — такова цель, к которой было направлено движение масс.

Посмотрим же, что думал Гитлер о приведенных им в движение массах и как он осуществлял это движение. Первым принципом, от которого он отталкивался, являлось ценностное суждение: массы в высшей степени ничтожны. Они не способны к абстрактному мышлению, их не интересует ничего выходящее за пределы их непосредственного чувственного опыта. Их поведение определяется не знаниями и разумом, а чувствами и подсознательными влечениями.

Именно здесь заложены истоки «позитивных и негативных суждений». Для достижения успеха пропагандист должен научиться манипулировать инстинктами и эмоциями. «Движущей силой большинства великих революций на земле никогда не была научная идея, овладевшая массами. Массы всегда вдохновлялись самоотверженностью. Это была, можно сказать, истерия, побуждавшая к действию. Тот, кто хочет овладеть массами, должен иметь ключ, открывающий двери к их сердцам». В этом пассаже так и слышится постфрейдистский жаргон о подсознании масс.

Гитлер смог воззвать к тем членам низшего слоя среднего класса, которых уничтожила инфляция 1923 года, а затем окончательно добил кризис 1929 года и катаклизмы последующих лет. «Массы», о которых говорит Гитлер, состояли из ошеломленных, расстроенных, деморализованных и встревоженных людей. Этих людей было много миллионов. Для того чтобы превратить эти миллионы людей в массу, чтобы сделать из них однородную, нечеловеческую массу, он собирал их тысячными толпами, собирал десятками тысяч в огромных залах и на стадионах, где люди теряли в толпе свою индивидуальность, свою элементарную человечность и неразличимо сли-

вались с толпой. Мужчина или женщина входит в непосредственное соприкосновение с обществом двумя способами: либо как член семейной, профессиональной или религиозной группы, либо как частица толпы. Группы способны поддерживать такую же мораль и нравственность, как и составляющие их индивиды; толпа же хаотична, не имеет собственной цели и способна на все, кроме разумных поступков и реалистического мышления. Собранные в толпу люди теряют способность к здравым суждениям и нравственному выбору. Их внушаемость возрастает до такой степени, что они лишаются собственной воли и собственных суждений. Люди становятся легко возбудимыми, теряют всякое чувство индивидуальной или коллективной ответственности; они легко поддаются ярости, восторгу или панике. Другими словами, человек в толпе ведет себя так, словно принял сильный опьяняющий яд. Он становится жертвой того, что я называю «стадным отравлением». Подобно алкоголю, стадный яд является активным, выворачивающим человека наизнанку средством. Отравленный этим ядом индивид лишается ответственности, разума и морали, превращаясь в обезумевшее, безмозглое животное.

За свою долгую карьеру агитатора Гитлер хорошо изучил эффекты стадного яда и научился пользоваться ими для достижения своих целей. Он понял, что оратор может обращаться к «скрытым силам», побуждающим людей к действию, намного более эффективно, чем, допустим, писатель. Чтение — это частная, а не коллективная деятельность. Писатель обращается к индивидам, которые находятся наедине с собой, в абсолютно трезвом состоянии. Оратор обращается к массе индивидов, уже принявших изрядную дозу стадной отравы. Эти индивиды находятся во власти оратора, и если он знает свое дело, то может сотворить с массой все, что ему заблагорассудится. Как оратор Гитлер превосходно владел своим ремеслом. Он был способен, выражаясь его собственными словами, «следовать за большой массой так, что живые эмоции слушателей внушали ему подходящие слова, которые, в свою очередь, доходили до сердец слушателей». Отто Штрассер называл Гитлера «громкоговорителем, произносившим вслух самые сокровенные желания, оглашавшим самые низменные инстинкты, озвучивавшим страдания и личные противоречия всего народа». За двадцать лет до того, как на Мэдисон-авеню занялись мотивационным

анализом, Гитлер систематически исследовал и использовал тайные страхи и надежды, устремления, тревоги и подавленность немецких масс. Именно манипуляции «скрытыми силами» позволяют специалистам по рекламе заставлять нас покупать навязываемые товары — зубную пасту, определенные марки сигарет, выбирать политических кандидатов. Взывая к тем же скрытым силам — и к некоторым другим, слишком опасным для того, чтобы к ним подступились на Мэдисон-авеню, — Гитлер смог заставить немцев принять фюрера, его безумную философию и Вторую мировую войну.

В отличие от масс, интеллектуалы склонны к рациональности и интересуются фактами. Критическое умонастроение делает их устойчивыми к пропаганде, жертвами которой становится большинство. В массе «преобладает инстинкт, а из инстинкта проистекает вера… В то время, как здоровый простой народ смыкает ряды и образует народную общность (по умолчанию имеется в виду, что под руководством вождя), интеллектуалы мечутся туда-сюда, как куры в курятнике. С ними невозможно творить историю; их невозможно использовать как элементы строительства общности». Интеллектуалы — это

сорт людей, постоянно требующих доказательств и приходящих в ужас от логических нестыковок и ложных аргументов. Интеллектуалы считают чрезмерное упрощение первородным грехом, не ведутся на дешевые лозунги, голословные утверждения и тотальные обобщения, то есть на все уловки, составляющие главный реквизит пропагандиста. «Всякая эффективная пропаганда, — писал Гитлер, — должна быть ограничена несколькими необходимыми первичными потребностями, а затем выражена в нескольких стереотипных формулах». Эти стереотипные формулы надо непрестанно повторять, ибо «только неустанное повторение позволяет запечатлеть идею в памяти толпы». Философия внушает нам неуверенность в вещах, которые кажутся очевидными, а пропаганда, с другой стороны, учит нас принимать как нечто само собой разумеющееся вещи, о которых не стоит задумываться или в которых следовало бы усомниться. Целью демагога является создание социального единства под его предводительством. Однако, как заметил Бертран Рассел, «догматическая система без солидного эмпирического фундамента, как, например, схоластика, марксизм или фашизм, способна создавать социальную спайку между

своими последователями». Пропагандист-демагог должен быть по необходимости догматиком. Все его утверждения лишены градаций качества. В его картине мира нет серых тонов; все либо дьявольски черное, либо небесно-белое. Говоря словами Гитлера, пропагандист «должен усвоить систематически односторонний подход к любой проблеме, которая подлежит решению». Ему никогда не стоит признавать свои ошибки и не нужно даже на словах допускать, что другие точки зрения могут быть хотя бы отчасти верными. С оппонентами нельзя спорить, на них надо нападать, их надо перекрикивать, а если они доставляют сильное раздражение, то и уничтожать физически. Морально щепетильного интеллектуала такие вещи могут шокировать. Но массы всегда бывают убеждены в том, что правда на стороне атакующего агрессора.

Таким, следовательно, было мнение Гитлера о человечности масс. Очень невысокое мнение. Но было ли оно неверным? Дерево познают по его плодам, а теория человеческой природы, вдохновившая на создание методик, оказавшихся столь чудовищно эффективными, должна по меньшей мере содержать хотя бы зерно истины. Добродетель и интеллект присущи человеческим

существам как индивидам, свободно объединенным с другими индивидами в небольшие группы. То же самое можно сказать о греховности и глупости. Однако бесчеловечное безмыслие, к которому апеллирует демагог, моральная тупость, на которую он опирается, подводя свои жертвы к действиям, являются чертами не мужчин и женщин как индивидов, а чертами мужчин и женщин в толпе, в массе. Безмозглость и моральный идиотизм не являются чисто человеческими атрибутами; это симптомы стадного отравления. Во всех высших мировых религиях спасение и просветление предназначены для индивидов. Царствие небесное в душе и в сознании человека, а не в коллективном безумии толпы. Христос обещал присутствовать там, где соберутся два или три человека. Он ничего не говорил о присутствии среди тысяч людей, которые опьяняют друг друга стадным ядом. При нацистах огромное число людей были вынуждены посвящать массу времени маршам. Люди рядами маршировали из пункта А в пункт Б, а оттуда снова в пункт А. «Это постоянное принуждение всего населения к маршировке казалось бессмысленной тратой времени и сил, — добавляет Герман Раушнинг. — Однако только много позже открылось скрытое

намерение, основанное на отличном понимании соотношения целей и средств. Маршировка отвлекает человека от мыслей. Маршировка убивает мышление. Маршировка кладет конец индивидуальности. Маршировка — это незаменимый магический прием, нацеленный на приучение людей к механической, квазиритуальной деятельности до тех пор, пока она не становится второй натурой».

С этой точки зрения и на том уровне, который Гитлер избрал для своей чудовищной деятельности, он абсолютно верно оценил человеческую природу. Тем из нас, кто смотрит на мужчин и женщин как на индивидов, а не на фрагменты толпы или полкового строя, кажется, что Гитлер заблуждается. В эпоху нарастающего перенаселения, в эпоху усугубления чрезмерной организованности жизни, в условиях усиления и усовершенствования технических средств массовой коммуникации как можем мы сохранить цельность индивида и его индивидуальные ценности? Этот вопрос нужно задавать, и, мало того, на него, наверное, можно дать достойный ответ. Не исключено, что через поколение будет уже поздно искать ответ, да, вероятно, он будет невозможен в удушающем коллективистском

климате того будущего, в котором вовсе перестанут задавать вопросы.

Глава 6
Искусство продавать

Выживание демократии зависит от способности большого числа людей делать реалистичный выбор в свете доступной им адекватной информации. Диктатура же держится на цензуре или искажении фактов, а также на призывах не к разуму и осознанному интересу к себе, а на призывах к страсти и предрассудкам, на апелляции к «скрытым силам», как называл это Гитлер, таящимся в подсознательных глубинах души каждого человека.

На Западе провозглашаются демократические принципы, и множество способных и добросовестных публицистов стараются снабжать избирателей адекватной информацией и убеждать их с помощью разумных аргументов делать реалистический выбор в свете этой информации. Все это превосходно и служит общему благу. Но, к несчастью, пропаганда в западных демократиях, и прежде всего в США, страдает, так сказать, раздвоением личности. Редакционным отделом такой пропаганды руководит демократичный

доктор Джекил-пропагандист, который будет просто счастлив доказать, что Джон Дьюи был абсолютно прав относительно способности человека правильно реагировать на истину и разум. Но этот достойный человек контролирует лишь часть механизма массовой информации. Во главе рекламного отдела мы видим отнюдь не демократа, а поборника иррационального подхода, мистера Хайда от пропаганды, а точнее, доктора Хайда, ибо Хайд теперь имеет докторскую степень по психологии и магистерскую — по социологии. Этот доктор Хайд будет сильно опечален, если люди начнут жить в согласии с верой Джона Дьюи в человеческую природу. Истина и разум — дело доктора Джекила, а не его — доктора Хайда. Хайд — мотивационный аналитик, и его дело — это изучение человеческих слабостей и изъянов, исследование тех подсознательных желаний и страхов, которые в значительной степени определяют осознанное мышление и поступки людей. Мистер Хайд делает это не в духе моралиста, желающего изменить людей к лучшему, и не в духе врача, желающего вылечить больного, но ради того, чтобы найти наиболее эффективный способ воспользоваться невежеством и иррациональностью людей к большей

материальной выгоде своих заказчиков. Однако, в конце концов, можно утверждать, что «капитализм мертв, царит потребление», а потребление требует услуг опытных продавцов, посвященных в искусство (иногда очень коварное) убеждения. В условиях системы свободного предпринимательства коммерческая пропаганда любого типа становится суровой необходимостью. Однако необходимость вовсе не равнозначна желательности. То, что явно хорошо в сфере экономики, может быть далеко не так хорошо для мужчин и женщин как для избирателей и как просто для людей. Предыдущее, более нравственное поколение было бы глубоко шокировано откровенным цинизмом мотивационных аналитиков. Сегодня мы читаем такую книгу, как «Тайные манипуляторы» мистера Вэнса Паккарда, и она нас скорее забавляет, нежели ужасает, и скорее вызывает недовольство, нежели возмущение. Но иного и нельзя было ожидать после Фрейда, после бихевиоризма, после появления массового производства, которому как воздух необходимо массовое потребление. Но чего, можем мы спросить, нам стоит ожидать в будущем? Будет ли в долгосрочной перспективе деятельность Хайда совместима с деятельностью доктора Джеки-

ла? Сможет ли кампания в пользу разумности успешно противостоять другой, более энергичной кампании в пользу иррациональности? Я не стану даже пытаться отвечать сейчас на эти вопросы, а оставлю их висеть в воздухе как фон нашей дискуссии о методах массового убеждения в технически развитом демократическом обществе.

Задача коммерческого пропагандиста в условиях демократии в каком-то отношении легче, а в каком-то труднее, чем задача политического пропагандиста, работающего при устоявшейся или находящейся в процессе становления диктатуре. Задача первого легче в том отношении, что он начинает с предубеждений в отношении пива, сигарет и холодильников, в то время как ни один из демократических пропагандистов не выступает с позиции предрассудков в пользу тирании. Задача такого пропагандиста одновременно и трудна, потому что по принятым условиям игры он не может апеллировать к самым диким, варварским и низменным инстинктам публики. Человек, отвечающий за рекламу молочных продуктов, с большим убеждением сказал бы своим покупателям, что все их несчастья проистекают из махинаций международной банды

бессовестных производителей маргарина и их патриотический долг выступить против и спалить их предприятия. Однако обращение такого сорта исключено в принципе, и пропагандист вынужден довольствоваться более мягкими методами. Но такой мягкий подход волнует кровь меньше, чем призывы к вербальному или физическому насилию. В долгосрочной перспективе гнев и ненависть пожирают того, кто их испытывает. Однако в краткосрочной перспективе жесткий подход приносит более высокие дивиденды в форме психологического и даже (из-за выброса в кровь адреналина и норадреналина) физиологического удовлетворения. Люди могут изначально быть инстинктивно настроены против тирании, но если настоящий или будущий тиран подвергнет их пропаганде, вызывающей всплеск адреналина в крови и призывающей к борьбе с коварным врагом — особенно если этот враг слаб и его можно безопасно притеснять, — то люди с восторгом последуют за таким тираном. В своих речах Гитлер постоянно повторял такие слова, как «ненависть», «сила», «беспощадность», «раздавить», «уничтожить»; эти агрессивные слова он сопровождал бурной жестикуляцией. Кричал, вопил, на его шее вздувались вены, а ли-

цо багровело. Сильные эмоции (это знает любой актер и оратор) в высшей степени заразительны. Зараженная злокачественным возбуждением оратора, аудитория будет стонать, рыдать и кричать в упоении неконтролируемых страстей. Эти оргии доставляли людям такую радость, что они снова и снова собирались на митинги, чтобы заново ее испытать. Почти все мы желаем мира и свободы; но лишь очень немногие из нас испытывают сильные эмоции и энтузиазм при мысли о мире и свободе. Наоборот, почти никто не желает войны и тирании; но большое число людей находят огромное удовольствие в мыслях, чувствах и действиях в пользу войны и тирании. Эти чувства, мысли и действия слишком опасны для того, чтобы их можно было использовать в коммерческих целях. Приняв данное допущение, специалист по рекламе должен делать все, что в его силах, эксплуатируя менее опьяняющие эмоции и более спокойные формы иррациональности.

Эффективная рациональная пропаганда становится возможной только в тех случаях, когда у части заинтересованных лиц есть отчетливое понимание природы символов и их отношения к вещам и событиям, которые они символизируют.

Эффективность иррациональной пропаганды зависит как раз от неспособности осознать природу символов. Бесхитростные люди склонны приравнивать символ к тому, что он обозначает, приписывать вещам и событиям некоторые из качеств, выраженных словами, выбранными пропагандистом ради достижения его целей. Рассмотрим простой пример. Большинство косметических средств изготавливают на основе ланолина, то есть смеси очищенного хлопкового масла и воды, взбитой в эмульсию. Эта эмульсия имеет много полезных качеств: она проникает в кожу, не портится, обладает мягкими антисептическими свойствами и так далее. Однако коммерческий пропагандист не говорит об истинных достоинствах эмульсии. Пропагандист дает эмульсии пышное, красивое название, с придыханием твердит о женской красоте и показывает фотографию аппетитной блондинки, увлажняющей свою кожу эмульсией. «Производитель косметики, — писал один такой пропагандист, — продает не ланолин, он продает надежду». За эту надежду, за это мошенническое обещание женщины будут платить в десять, в двадцать раз больше, чем на самом деле стоит эта эмульсия, которую так умело разреклами-

ровал коммерческий пропагандист с помощью вводящих в заблуждение символов, которыми он связал эмульсию с универсальным, глубочайшим женским желанием быть привлекательной для представителей противоположного пола. Принцип, лежащий в основе такой пропаганды, чрезвычайно прост. Надо найти какое-то характерное для подавляющего большинства людей желание, какой-то универсальный тайный страх или тревогу; подумать, как связать это желание или этот страх с продуктом, который нужно продать, а затем выстроить мост из вербальных или художественных символов, по которому потребитель сможет перейти от факта к мечте, а от мечты — к иллюзии, что приобретенный продукт сделает мечту реальностью. «Отныне мы покупаем не апельсины, мы покупаем жизненную энергию. Мы покупаем не просто автомобиль, мы покупаем престиж». И так со всеми остальными товарами. Покупая, например, зубную пасту, мы приобретаем не чистящее средство с антисептическими свойствами, а освобождение от страха быть сексуально непривлекательным. Покупая водку или виски, мы приобретаем не цитоплазматический яд, который в малых дозах приятно угнетает перевозбужденную нервную

систему, но приобретаем дружелюбие и хорошую компанию, теплоту музыки Дингли-Делл[7] и гостеприимство таверны «Русалка»[8]. Вместе со слабительными мы покупаем здоровье греческих богов и блистательную красоту нимф Дианы. Покупая ежемесячный бестселлер, мы покупаем культуру, вызывая зависть у малограмотных соседей и уважение у соседей продвинутых. В каждом случае мотивационный аналитик находит потаенное желание или страх, энергию которых можно использовать для того, чтобы заставить потребителя расстаться с наличностью и привести в движение шестеренки промышленности. Заложенные в умах и телах бесчисленных индивидов источники этой потенциальной энергии высвобождают ее и передают по цепочке символов, аккуратно разложенных так, чтобы обойти рассудок и скрыть истинный смысл продажи.

Иногда символы производят эффект благодаря тому, что сами по себе являются непропор-

---

[7] Примечания: 7

Название поселка в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». — *Примеч. ред.*

[8] Примечания: 8

Таверна в лондонском районе Чипсайд, где собирались литературные деятели Елизаветинской эпохи. — *Примеч. ред.*

ционально впечатляющими, навязчивыми и чарующими. Таковы, например, торжественные и помпезные церковные ритуалы. Эта «священная красота» укрепляет веру у верующих, а неверующих заставляет обращаться к вере. Притягательные только в эстетическом смысле, эти символы не гарантируют ни истинности, ни этической ценности учений, с которыми их совершенно произвольно связали. Простой и нелицеприятный исторический факт заключается в том, что святую красоту часто превосходит красота вещей отнюдь не святых. Например, при Гитлере ежегодные партийные съезды в Нюрнберге были шедеврами ритуального и театрального искусства. «Я провел шесть лет в Санкт-Петербурге перед войной, в лучшие дни старого русского балета, — пишет сэр Невилл Хендерсон, британский посол в гитлеровской Германии, — но ни один балет не мог сравниться по красоте с величественными нюрнбергскими партийными съездами». Можно вспомнить Китса: «Красота — это истина, а истина — это красота». Увы, но такая идентичность существует только на каком-то высоком, не мирском уровне. На уровне политики и идеологии красота вполне спокойно уживается с бессмыслицей и тиранией.

Но это и к счастью; ибо если бы красота была несовместима с бессмыслицей и тиранией, то в мире осталось бы очень мало искусства. Шедевры живописи, скульптуры и архитектуры были созданы с целью религиозной или политической пропаганды, ради славы божьей, славы правителей или жреческой касты. Однако в большинстве своем цари и короли являлись деспотами, а все религии были пропитаны суевериями. Гении находились на службе у тиранов, а искусство прославляло достоинства местных культов. Время неумолимо отделяет великое и доброе искусство от дурной метафизики. Сможем ли мы научиться выполнять это отделение не после события, а в то время, когда оно реально происходит, — большой вопрос.

В коммерческой пропаганде принципы непропорционально околдовывающих символов были поняты и оценены очень давно. У каждого пропагандиста есть свой отдел искусств, где постоянно совершаются попытки украсить рекламные щиты бьющими в глаза картинами, расцветить страницы рекламных журналов живыми рисунками и фотографиями. В рекламе не место шедеврам, поскольку шедевры воздействуют на ограниченную аудиторию, а коммерческая

пропаганда рассчитана на подавляющее большинство. Для пропагандиста идеалом является умеренное совершенство. Тем, кто любит не слишком красивое, но достаточно яркое, искусство может напомнить товар, с которым оно связывает свои символы.

Еще один диспропорционально раздутый символ — это песня. Рекламная песня — сравнительно недавнее изобретение, но песни церковные и религиозные — гимны и псалмы — стары, как сама религия. Военные или маршевые песни существуют с тех пор, как ведутся войны. Патриотические песни, предтечи наших государственных гимнов, несомненно, использовались для прославления групповой солидарности, для подчеркивания разницы между «нами» и «ими», и исполняли такие песни во времена бродячих охотников и собирателей палеолита. Музыка привлекательна для подавляющего большинства людей. Более того, мелодии словно сами собой внедряются в души и умы слушателей. Они сохраняются в памяти на всю жизнь. Возьмем для примера какое-нибудь банальное или неинтересное утверждение или ценностное суждение. Пока оно произносится без всякого выражения, никто не обращает на него внимания, но попробуйте положить текст на при-

вязчивую, хорошо запоминающуюся мелодию, и слова сразу наполнятся мощной силой. Более того, эти слова будут звучать в голове всякий раз, когда человек услышит мелодию или если она вдруг случайно всплывет в памяти. Орфей здесь вступил в союз с Павловым — сила звука объединилась с мощью условного рефлекса. Для коммерческого пропагандиста так же, как для его коллег в области политики или религии, музыка имеет и еще одно преимущество. Вздор, который разумное существо постесняется произносить или слушать в устной форме, с удовольствием выслушивается вполне разумным существом, если его положить на музыку и начать петь. Можем ли мы научиться разделять удовольствие от пения или прослушивания песни и человеческую склонность верить пропаганде, заложенной в песне? Это еще один большой вопрос.

Благодаря обязательному школьному образованию и печатному станку пропагандист уже давно получил доступ практически ко всем взрослым людям во всех цивилизованных странах. Сегодня благодаря радио и телевидению он оказался в уникальном положении: теперь может обращаться к необразованным взрослым и к еще неграмотным детям.

Дети, как и следовало ожидать, очень восприимчивы к пропаганде. Они ничего не знают о том, как устроен и живет мир, а поэтому крайне доверчивы. У них не развита способность к критике, они редко подозревают подвох. Дети младшего возраста еще не способны критически мыслить, а подростки лишены жизненного опыта, на который могло бы опереться их довольно развитое критическое отношение к миру. В Европе новобранцев всегда игриво именовали «пушечным мясом». Их младшие братья и сестры превращаются в мясо телевизионное. Когда я был маленьким, меня учили петь детские песенки, а в религиозных семьях детишки пели псалмы и гимны. Сегодня малыши мурлычут песенки-речевки из популярных рекламных роликов.

«Я не хочу сказать, что детей надо принуждать к тому, чтобы они клянчили у родителей товары, которые мы видим в телевизионной рекламе, но в то же время я не могу закрыть глаза на тот факт, что реклама действует на детей ежедневно». Это пишет звезда телевизионной программы, нацеленной на юную аудиторию. «Дети, — добавляет он же, — это живые магнитофоны, записывающие то, что мы говорим ежедневно». Настанет день, и эти живые магнитофоны, записавшие

на свои пленки телевизионные коммерческие ролики, вырастут, начнут зарабатывать деньги и покупать промышленные товары. «Вы только подумайте! — словно в экстазе, восклицает мистер Клайд Миллер. — Подумайте, как это отразится на доходах вашей фирмы, если вы сможете выработать условный рефлекс у миллиона… нет, у десяти миллионов детей, которые вырастут запрограммированными на покупку ваших товаров, как вымуштрованные солдаты начинают движение, едва заслышав вдолбленную в их головы команду «Вперед марш!». Да, об этом, конечно, стоит подумать! Но давайте все-таки вспомним, что действующие диктаторы и кандидаты в диктаторы много лет размышляли над подобными вещами и что миллионы, десятки и сотни миллионов детей и сейчас растут для того, чтобы заглотить идеологический товар какого-нибудь местного деспота, чтобы потом, подобно солдатам, отреагировать на ключевые слова, внедренные в юные умы.

Способность к самоуправлению обратно пропорциональна численности населения управляемой общины. Чем многочисленнее электорат, тем меньше ценность каждого отдельно взятого голоса. Если избиратель один из многих миллио-

нов, то он ощущает свое бессилие, чувствует себя пренебрежимо малой величиной. Кандидаты, за которых он голосует, находятся далеко, на вершине пирамиды власти. Теоретически они являются слугами народа, но в действительности эти слуги отдают приказы, а народ, находящийся внизу, в основании пирамиды, выполняет их. Рост населения и технический прогресс привели к увеличению числа организаций и усложнению их структуры, усилению концентрации власти в руках чиновников и соответственно к ослаблению контроля со стороны избирателей, что усугубляется снижением общественного надзора за соблюдением демократических процедур. Уже и без того ослабленные могущественными безличными силами современного мира, демократические институты разрушаются изнутри и политиками, и их пропагандистами.

Человеческие существа могут поступать и часто поступают абсолютно иррационально, но представляется, что все они способны, если дать им такую возможность, делать разумный выбор, оперируя доступными им фактами. Демократические институты будут хорошо работать только в том случае, если все заинтересованные в этом люди сделают все возможное для распространения

знаний и поощрения рациональности. Но сегодня в самых развитых и мощных демократиях мира политики и их пропагандисты предпочитают превращать в пустышку демократические процедуры, апеллируя практически исключительно к невежеству и иррациональности электората. «Обе партии, — говорил нам в 1956 году редактор ведущего делового журнала, — будут продавать своих кандидатов и свои цели, используя те же методы, которыми пользуются бизнесмены, продающие свои товары. К этим методам относят научно обоснованный отбор лозунгов и их запланированное повторение. С плакатов будут кричать только проверенные лозунги… Единственное, что требуется от кандидатов в дополнение к мужественному голосу и хорошей дикции, — это умение казаться искренними во время телевизионных интервью и дебатов».

Политические торгаши апеллируют только к слабостям избирателей, но никогда к их потенциально сильным сторонам. Они не делают никаких попыток просвещать массы с тем, чтобы они доросли до способности к самоуправлению; они довольствуются лишь тем, что манипулируют массами и эксплуатируют их. Для этой цели политические махинаторы мобилизуют и ставят себе

на службу все доступные ресурсы психологии и социологии. Одновременно в тщательно отобранных группах избирателей проводят «глубинные опросы», чтобы вскрыть подсознательные страхи и устремления, которые господствуют среди населения в момент проведения выборов. Эксперты подбирают фразы и образы, способные погасить или, наоборот, усилить страх и удовлетворить желания и устремления, по крайней мере, символически. Затем эти фразы и образы обкатываются на читателях и слушателях, а дальше меняются и корректируются в соответствии с реакцией потенциальных избирателей. После этого политики и их обслуга могут считать себя готовыми к проведению избирательной кампании в средствах массовой информации. Теперь вопрос только в деньгах и в кандидате, которого нужно натаскать так, чтобы он выглядел убедительным и «искренним». При таком подходе к делу политические принципы и конкретные программы теряют большую часть своей важности. Личность кандидата и то, как его подают специалисты по политической рекламе, — единственное, что теперь на самом деле важно.

Так или иначе, в образе энергичного мужественного парня или в образе заботливого отца,

кандидату нужно быть обаятельным и привлекательным. Он должен являться незаурядным актером, чтобы публике не было с ним скучно. Приученная к телевизионной картинке публика привыкла, что ее развлекают, и не любит, когда просят сосредоточиться или сделать хоть небольшое умственное усилие. Следовательно, все речи проталкиваемого кандидата должны быть непродолжительными и остроумными. Главные и по-настоящему сложные проблемы надо в большинстве случаев разрешать в пять минут, но еще предпочтительнее (поскольку публике хочется чего-то более веселенького, чем инфляция и водородная бомба) разделаться с важной проблемой за шестьдесят секунд. Сама природа ораторского искусства, отточенного политиками и священниками, предполагает чрезмерное упрощение самых сложных вещей. С кафедры, амвона или с трибуны даже наиболее совестливому оратору будет трудно сказать аудитории всю правду об обсуждаемом предмете. Методы, которые сейчас используются для продажи политических кандидатов, словно они являются дезодорантами, с избытком гарантируют избирателям, что те не услышат слов, хотя бы отдаленно напоминающих правду.

Глава 7
Промывание мозгов

В двух предыдущих главах я описал способы, которые можно назвать оптовыми манипуляциями сознанием, практикуемыми как величайшими демагогами, так и успешными торговцами, коих было немало за всю историю человечества. Однако ни одна человеческая проблема не может быть решена одними только методами оптовой торговли. Дробовик имеет право на существование, но должен быть и шприц для подкожных инъекций. В следующих главах я опишу некоторые из наиболее эффективных способов манипулирования не толпами, не целыми массами, а отдельными индивидами.

По ходу своих эпохальных экспериментов по исследованию условных рефлексов Иван Павлов заметил, что у лабораторных животных, подвергавшихся длительному физическому или психическому стрессу, случался тяжелый нервный срыв. Мозг этих животных, будучи не в силах справиться с невыносимыми условиями, так сказать, объявлял забастовку и либо прекра-

щал работать вообще (собаки теряли сознание), либо замедлял свою деятельность и отказывался работать нормально (собаки начинали вести себя абсолютно неадекватно, или у них появлялись симптомы состояния, которое у людей мы назвали бы истерией). Некоторые животные более устойчивы к стрессу, чем другие. Собаки, обладавшие, по терминологии Павлова, «легко возбудимой» конституцией, сдавались быстрее, чем собаки с просто «оживленной» конституцией (противоположной холерической, излишне возбудимой конституции). Собаки с «вялым, замедленным» темпераментом доходили до предела своих возможностей намного быстрее, чем «спокойные и невозмутимые» животные. Но даже самые закаленные собачьи стоики не могли сопротивляться стрессу до бесконечности. Если он был достаточно сильным и продолжительным, то стойкие собаки ломались так же быстро и необратимо, как и их более слабые собратья.

Открытия Павлова были подтверждены самым ужасным образом и в громадном масштабе в ходе двух мировых войн. В результате одного катастрофического переживания или часто повторяющихся переживаний менее страшных эпизодов у солдат развивались некоторые харак-

терные психофизические симптомы. Временная утрата сознания, чрезмерное возбуждение, непреодолимая сонливость, функциональная слепота или паралич, совершенно нереалистичные поведенческие реакции, странное нарушение привычных стереотипных реакций на знакомые жизненные ситуации — все, что Павлов наблюдал у собак, с невероятной силой проявилось у жертв того, что в Первую мировую войну называли «артиллерийским шоком», а во Вторую — «военным утомлением». Каждый человек, как и каждая собака, имеет свой предел выносливости. Большинство людей достигают этого предела в течение тридцати дней пребывания в условиях современных боевых действий. Более восприимчивые к стрессу ломаются в течение пятнадцати дней. Самые выносливые могут выдержать сорок пять дней, в редких случаях до пятидесяти. Ломаются тем не менее все — и сильные, и слабые. Надо подчеркнуть, что все — из тех, кто изначально был душевно здоров. Ирония судьбы заключается в том, что бесконечно выдерживать ад современной войны могут лишь психически нездоровые люди. Индивидуальное безумие служит защитой от безумия коллективного.

То, что каждый индивид обладает своим преде-

лом психической выносливости, было известно и грубо использовалось с незапамятных времен. В некоторых случаях невероятная жестокость одного человека по отношению к другому была обусловлена склонностью к жестокости как таковой, к ее извращенной эстетике. Чаще, однако, чистый садизм несколько ограничивался утилитарностью, богословием или государственными соображениями. Юристы применяли физические и психологические пытки для того, чтобы развязывать языки упрямых свидетелей; церковники прибегали к пыткам для наказания заблудших и возвращения их в лоно матери-церкви; тайная полиция пытками выбивала признания из лиц, заподозренных во враждебном отношении к правительству. При Гитлере пытки с последующим массовым уничтожением практиковались в отношении биологических еретиков — евреев. Для молодого нациста кратковременная служба в лагере уничтожения (пользуясь словами Гиммлера) «была лучшим методом воспитания непримиримого отношения к низшим существам и неполноценным расам». Учитывая маниакальный антисемитизм, которым Гитлер заразился в венских трущобах, этот возврат к методам, применявшимся инквизицией в отношении

еретиков и ведьм, был неизбежен. Однако в свете открытий Павлова и знаний, добытых психиатрами из опыта лечения военных неврозов, такое возрождение средневекового варварства воспринимается как омерзительный и гротескный анахронизм. Стресс, тяжелый настолько, чтобы спровоцировать полный отказ мозга от работы, можно вызвать с помощью методов, которые, хотя и являются абсолютно антигуманными, не предусматривают физических пыток.

Что бы ни происходило в условиях коммунистических диктатур в их ранние годы, в настоящее время пытки мало используются тайной полицией коммунистических стран. Их спецслужбы черпают вдохновение не в деятельности инквизиции или СС, но в работах физиологов с подопытными собаками с выработанными условными рефлексами. Для любого диктатора и его полиции открытия Павлова имеют большое практическое значение. Если можно нарушить высшую нервную деятельность собаки, то, конечно же, то же самое можно сделать и с центральной нервной системой политического заключенного. Надо просто подвергнуть его достаточно сильному стрессу на протяжении достаточно длительного времени. В конце такого воздействия заключен-

ный окажется в состоянии невроза или истерии и будет готов сознаться во всем, в чем его мучители хотят, чтобы он сознался.

Но одного признания недостаточно. Безнадежный невротик никому не нужен и неинтересен. От него нет никакой пользы. Умному и практичному диктатору нужны не пациенты психиатрических клиник и не жертвы, которых придется расстрелять, ему нужны новообращенные, готовые работать ради Дела. Обратившись к трудам Павлова, такой диктатор узнает, что на пути к окончательному нервному срыву собаки становятся в высшей степени внушаемыми. Модели нового, желательного поведения можно внедрить в мозг, когда он находится у пределов своей выносливости. Искоренить эти новые, усвоенные модели поведения уже невозможно. Выработанный таким образом условный рефлекс сохранится навсегда, став частью психики.

Психологический стресс можно вызвать множеством разнообразных способов. Собаки начинают беспокоиться, когда стимулы становятся необычно сильными; когда интервал между стимулом и его следствием неоправданно затягивается, и собака долго остается в «подвешенном» состоянии; когда мозг животного теряется от сти-

мулов, которые противоречат тому, что собака усвоила в предыдущих опытах; когда стимулы не имеют никакого смысла в пределах понимания жертвы. Более того, было обнаружено, что преднамеренное возбуждение у собак таких эмоций, как страх, ярость или тревога, усиливало внушаемость животных. Если поддерживать эти эмоции на высоком уровне в течение достаточно длительного времени, то мозг «объявляет забастовку». Когда это происходит, новые идеи и поведенческие стереотипы можно внедрять в центральную нервную систему на удивление легко.

Среди физических форм стресса, повышающих внушаемость собак, стоит особо выделить утомление, раны и заболевания любых типов.

Для будущего диктатора эти открытия имеют большое практическое значение. Например, они подтвердили, что Гитлер был совершенно прав, считая, что массовые митинги в ночное время более эффективны, чем такие же митинги днем. «В дневное время, — писал он, — сила воли человека с необычайной энергией восстает против любых попыток подчинить его воле другого человека или навязать ему чужое мнение. Однако поздним вечером люди с большей охотой подчиняются

воле, которая сильнее их собственной».

Здесь Павлов согласился бы с Гитлером; утомление усиливает внушаемость. (Именно поэтому, среди прочих причин, спонсоры телевизионных программ предпочитают размещать свою рекламу в вечерние и ночные часы, подкрепляя это солидными суммами.)

Болезнь усиливает внушаемость в еще большей степени, чем утомление. В прошлом больницы и богадельни были излюбленным местом религиозного обращения. Теоретически подкованный диктатор будущего снабдит все больницы подчиненной ему страны радиоприемниками с наушниками, вмонтированными в подушки. Изощренная пропаганда будет литься из них двадцать четыре часа в сутки, и, что еще важнее, с ними регулярно будут вести душеспасительные беседы специально обученные пропагандисты, так же как предков этих больных раньше увещевали священники, монахини и благочестивые миряне.

Сильные негативные эмоции усиливают внушаемость и способствуют переменчивости взглядов — этот факт был известен и широко использовался задолго до Павлова. Как писал доктор Уильям Сарджант в своей замечательной

книге «Битва за разум», поразительный успех проповедника Джона Уэсли был основан на его интуитивном понимании принципов работы центральной нервной системы. Свою проповедь он начинал длинным и подробным описанием тех мук, которые ожидают людей, не обратившихся в истинную веру, — все они будут навечно прокляты. Затем, доведя слушателей до отчаяния, а некоторых и до нервного срыва, Уэсли менял тональность и обещал спасение тем, кто обратится в истинную веру и раскается. Таким способом Джон Уэсли обратил и наставил на истинный религиозный путь тысячи мужчин, женщин и детей. Интенсивный длительный страх надламывает человеческую психику и способствует состоянию повышенной внушаемости. В таком состоянии слушатели уже без вопросов и сомнений принимали богословскую точку зрения проповедника. После этого священник успокаивал их ласковыми проникновенными речами, и люди выходили из этого психологического испытания с новыми моделями поведения, навсегда внедренными в их умы и центральную нервную систему.

Эффективность политической и религиозной пропаганды зависит от использованных методов,

а не от содержания тех доктрин, которые пропагандист хочет навязать аудитории. Доктрины могут быть истинными или ложными, полезными или вредоносными — для эффективности это не имеет никакого значения. Если внушение доктрин производится правильным способом на фоне подходящего уровня нервного истощения, то методика наверняка сработает. В благоприятных условиях практически любого человека можно убедить в чем угодно.

В нашем распоряжении есть подробные описания методов работы коммунистической тайной полиции с политическими заключенными. С момента ареста жертву начинали систематически подвергать воздействию многих видов физического и психологического стресса. Заключенного плохо кормили, помещали в некомфортные условия, разрешали по ночам спать не больше одного-двух часов. Все это время арестанта держали в состоянии полной неопределенности, одновременно укрепляя самые мрачные предчувствия. День за днем, а точнее, ночь за ночью, ибо воспитанные на учении Павлова полицейские понимали ценность утомления, как инструмента усиления внушаемости, заключенного допрашивали по много часов подряд, и следователи изо

всех сил старались запутать и шокировать свою жертву. Через несколько недель или месяцев такого обращения мозг жертвы начинал бастовать, и она признавалась во всех преступлениях, в которых, как считали следователи, должна была признаться. Потом, если заключенного собирались использовать в дальнейшем, а не расстреливать, его помещали в достаточно комфортные условия и внушали надежду. Если он искренне раскаивался, исправлялся и выбирал истинную веру, то мог спастись — конечно, не в будущей жизни (ибо официально никакой будущей жизни не существует), а в этой.

Подобные, хотя и гораздо менее жестокие методы применялись во время корейской войны в отношении военнопленных. В китайских лагерях молодых западных пленных систематически подвергали стрессу. Так, за малейшее нарушение правил провинившегося вызывали к коменданту, где допрашивали, запугивали и публично унижали. Процедуру повторяли неоднократно, снова и снова, в любое время дня и ночи. Эта нескончаемая травля вызывала у жертвы замешательство и хроническую тревогу. Для того чтобы усугубить чувство вины, заключенных заставляли писать и переписывать со все более

интимными подробностями автобиографию с описаниями личных недостатков. После того как пленный признавался в своих грехах, его заставляли признаваться в прегрешениях товарищей по несчастью. Целью было создание в лагере обстановки всеобщего доносительства и подозрительности. К этому ментальному стрессу добавлялся стресс физический, вызванный плохим питанием, неблагоприятными условиями проживания и болезнями. Усиление внушаемости китайцы умело использовали, заливая утомленные умы большими дозами коммунистической и антикапиталистической пропаганды. Эти павловские методы оказались удивительно успешными. В США было официально объявлено, что каждый седьмой американский пленный виновен в тесном сотрудничестве с китайскими властями, а каждый третий являлся их пособником.

Не стоит, однако, думать, будто такие методы воспитания коммунисты используют только в отношении своих врагов. Молодые крестьяне, которым в первые годы нового режима вменили в обязанность служить коммунистическими миссионерами и организаторами в бесчисленных китайских деревнях и городках, проходили

курс идеологической обработки намного более интенсивный, чем тот, коему подвергали американских военнопленных. В своей книге «Китай под властью коммунистов» Р. Л. Уокер описывает методы, с помощью которых партийные лидеры смогли превратить тысячи обычных людей в самоотверженных фанатиков, нужных для распространения коммунистического евангелия и пропаганды политики властей. Эта система подготовки предусматривала отправку сырого человеческого материала в специальные лагеря, где курсанты жили в полной изоляции от своих друзей, вдали от семей и вообще от всего привычного мира. Здесь курсантов принуждали к тяжелому физическому труду и утомительной учебе; они не имели права уединяться, всегда находились в группе. Их поощряли к доносительству и слежке друг за другом. Принуждали писать автобиографии, в которых курсанты должны были изобличать самих себя в проступках и прегрешениях. Люди жили в постоянном страхе наказания, которое могло обрушиться на них по доносу информаторов или из-за тех проступков, в которых они признались сами. В состоянии повышенной внушаемости они проходили интенсивный курс теоретического

и прикладного марксизма. По окончании курса необходимо было сдать экзамен. Тех, кто не справлялся, ожидала незавидная участь — от позорного изгнания до отправки в трудовой каторжный лагерь или физической ликвидации. После полугода непрерывного ментального и физического стресса результаты оказывались точно такими, каких можно было ожидать исходя из теории Павлова. Курсанты ломались один за другим, а иногда и целыми группами. У людей прогрессировала невротическая и истерическая симптоматика. Некоторые жертвы совершали самоубийства, другие (говорят, что таких было до двадцати процентов) просто сходили с ума. Те, кто выживал в процессе этого жесточайшего воспитания, усваивали новое, неискоренимое поведение. Все привязанности, все дружеские отношения оставались в прошлом — друзья, семья, традиционные ценности и идеалы. Теперь это были новые люди, созданные по образу и подобию их нового бога и готовые самоотверженно

ему служить[9].

По всему коммунистическому миру из сотен учебных центров ежегодно выходят десятки тысяч молодых мужчин и женщин. Эти плоды научно обоснованного и жестокого воспитания делают и, несомненно, будут делать для коммунистических партий Европы, Азии и Африки то же, что делали иезуиты для римско-католической церкви в эпоху контрреформации.

В политике сам Павлов отчетливо занимал старомодные либеральные позиции, но по странной иронии судьбы его исследования и теории, на которые он опирался, проводя свои эксперименты, породили армию самоотверженных твердолобых фанатиков, готовых сокрушить и уничтожить либерализм везде, где смогут его обнаружить.

---

[9] Примечания: 9

В новых китайских народных коммунах начали, как утверждают некоторые, применять ко всем методы образования и просвещения, которые до этого использовали только при подготовке миссионеров. Из-за двенадцатичасового рабочего дня люди постоянного переутомлялись; слежка, доносы и вездесущая полиция провоцируют непрекращающуюся тревогу, а хроническое подавление сексуальных влечений и сеансы демонстрации всеобщей любви и братства порождают чувство глубокой и безнадежной подавленности. На мужчин, женщин и детей, ослабленных этими проверенными павловскими методами, непрерывным потоком льются команды, распоряжения, догматические ура-патриотические лозунги и гимны ненависти, угрозы страшных наказаний, смягчаемые посулами славного и блестящего будущего. Сколько миллионов людей будут психически искалечены таким «просвещением», мы, видимо, скоро узнаем. — *Примеч. авт.*

Промывание мозгов в том виде, в каком оно практикуется сейчас, является гибридной методикой, основанной отчасти на насилии, а отчасти — на искусном психологическом манипулировании. Современное промывание мозгов проходит путь от традиций «1984» к традициям «О дивного нового мира». В устоявшейся и хорошо отлаженной диктатуре современные наполовину насильственные методы манипулирования будут, без сомнения, казаться абсурдно грубыми. Средние представители низшей касты станут подвергаться дрессуре с раннего детства (а возможно, необходимые качества будут закладываться в них на генетическом уровне), и им никогда не потребуется обращение в истинную веру или даже подкрепление условного рефлекса такой веры. Члены же высших каст сохранят способность придумывать новые идеи в ответ на изменение ситуации, а следовательно, их подготовка и образование будут менее ригидными, нежели воспитание тех, чьим уделом станет не рассуждение о причинах, а долг жить, работать и умирать без всяких протестов, не создавая проблем высшей касте. Сильные мира сего, таким образом, станут представителями дикого вида человека, подвергнутого лишь легкой дрессуре,

поводырями и конвоирами людей полностью одомашненного вида. В среде этих поводырей и охранников будут время от времени появляться еретики и бунтари. Случись такое, их либо ликвидируют, либо подвергнут промыванию мозгов, либо (как в «О дивном новом мире») сошлют на отдаленный остров, где бунтари не смогут никому (если не считать друг друга) создать проблем. Универсальная дрессировка детей и другие методы тотального манипулирования и подавления — дело будущего, до которого осталось еще несколько поколений, а пока на пути к дивному новому миру наши правители будут полагаться на временные методики промывания мозгов.

Глава 8
Химические методы убеждения

В созданном мною дивном новом мире не было ни виски, ни табака, ни нелегального героина, ни контрабандного кокаина. Люди не пили, не курили, не нюхали и не кололись. Если человек чувствовал себя подавленным, растерянным или расстроенным, то он глотал пару таблеток химического вещества, называемого сомой. Я позаимствовал это название у древних арийцев, завоевателей Индии, употреблявших в своих религиозных обрядах какое-то неизвестное вещество (возможно, полученное из растения *Asclepias acida*), которое они и называли сомой. Опьяняющий сок, выжатый из стеблей этого растения, пили жрецы и благородные воины в ходе сложного ритуала. В гимнах Ригведы рассказывается, как благословенны были пившие сому. Сома укрепляла их тела, сердца их исполнялись мужества, радости и восторга, сома просветляла их ум, а воочию созерцая будущую вечную жизнь, они убеждались в своем бессмертии. Но у священного сока были и недостатки. Сома являлась опасным

лекарством, таким опасным, что даже великий бог Индра иногда чувствовал себя больным после ее употребления. Простые же смертные могли даже умереть от передозировки. Но переживания от употребления сомы были настолько возвышенными и просветляющими, что право пить ее считалось привилегией. Люди были готовы платить за эту привилегию любую цену, вплоть до собственной жизни.

Сома «О дивного нового мира» была лишена недостатков своего индийского прототипа. В небольших дозах она вызывала чувство блаженства, от двух таблеток возникали видения, а от трех человек на несколько минут погружался в освежающий сон. При этом ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае не было никаких неприятных физических или психических осложнений. Обитатели дивного нового мира могли корректировать свое настроение, отвлекаться от тягот повседневной жизни, не жертвуя ни здоровьем, ни производительностью труда.

В дивном новом мире обычай принимать сому не был тайным и греховным, он являлся политическим институтом, сутью жизни, свободы и стремления к счастью, гарантированных биллем о правах. Однако эта наиболее ценная из неот-

чуждаемых привилегий являлась одновременно одним из самых мощных орудий контроля и подавления из арсенала диктатуры. Систематическое опьянение людей для блага Государства (и кроме того, к их полному восторгу) стало краеугольным камнем политики правителей мира. Ежедневный прием положенной дозы сомы был страховкой от неверных умонастроений, социального недовольства и распространения подрывных идей. Религия, утверждал, Карл Маркс, есть опиум для народа. В дивном новом мире ситуация опрокинулась. Опиум, точнее, сома, стал религией. Подобно религии это средство возымело силу утешать и воздавать, вызывать видения лучшего мира, вселять надежду, укреплять веру и распространять милость. Как писал один поэт: «Пиво лучше Мильтона способно оправдать Бога в глазах человека»[10].

Давайте еще вспомним, что пиво — это самое грубое и ненадежное из средств подобного рода. Можно даже сказать, что в вопросах божеского закона сома относится к алкоголю так же, как алкоголь к теологическим аргументам Мильтона.

В 1931 году, когда я писал о воображаемом син-

---

[10] Примечания: 10
Из стихотворения Альфреда Хаусмана. — *Примеч. ред.*

тетическом средстве, делающем людей будущих поколений одновременно счастливыми и покорными, известный американский биохимик, доктор Ирвин Пейдж готовился к отъезду из Германии, где он провел три года в университете имени Вильгельма, изучая химические процессы головного мозга. «Трудно понять, — писал доктор Пейдж в своей недавно опубликованной статье, — почему ученым потребовалось так много времени для того, чтобы приняться за исследование химических реакций в своих собственных мозгах. Я говорю об этом, — добавляет он, — опираясь на собственный горький опыт. Когда в 1931 году я вернулся домой, мне не только не удалось найти работу в этой области (области исследования биохимии мозга), мне даже не удалось вызвать к ней хоть какой-нибудь интерес». Сегодня, двадцать семь лет спустя, несуществующий ранее интерес превратился в цунами, захлестнувшее биохимию и психофармакологию. Ученые изучают работу ферментов, регулирующих деятельность головного мозга. В организме были открыты такие неизвестные ранее вещества, как адренохром и серотонин (в открытии последнего участвовал и доктор Пейдж), и теперь в лабораториях изучают их воз-

действие на ментальные и физические функции. Одновременно были синтезированы новые лекарства, которые модифицируют, корректируют или нарушают действие разнообразных веществ, посредством которых центральная нервная система творит свои ежечасные и ежедневные чудеса, управляя всей деятельностью организма, как и, в частности, нашим сознанием. С современной точки зрения, самое интересное в этих лекарствах заключается в том, что они временно изменяют биохимию мозга и состояние сознания, не оказывая долговременного разрушающего воздействия на организм. В данном отношении подобные лекарства похожи на сому и сильно отличаются от изменяющих сознание лекарств прошлого. Например, опиум является классическим транквилизатором. Но это — опасное средство, которое, начиная с неолита и заканчивая современностью, вызывало болезненное пристрастие и разрушало здоровье. То же самое можно сказать и о классическом средстве, вызывающем эйфорию веществе, — об алкоголе, выражаясь словами псалма, «веселящем сердце человека». К сожалению, алкоголь не только веселит сердце, но в больших дозах вызывает болезни и пристрастие и на протяжении послед-

них восьми-десяти тысяч лет является главной причиной преступлений, семейных раздоров, моральной деградации и несчастных случаев.

Классические стимуляторы — чай, кофе и мате, — к счастью, являются почти совершенно безвредными, правда, и стимуляторы из них очень слабые. В отличие от «чашек, которые бодрят, но не опьяняют»[11], кокаин является мощным и весьма опасным средством. Те, кто его принимает, вынуждены расплачиваться за ощущение собственного всемогущества, безграничной умственной и физической силы приступами жесточайшей депрессии, ужасными физическими последствиями — такими, как ощущение ползания внутри насекомых или паранойя, которая может стать причиной насильственных преступлений. Еще одним недавно изобретенным стимулятором является амфетамин, больше известный под своим торговым названием бензедрин. Амфетамин очень эффективен, но при приеме в больших дозах эффективен за счет разрушения ментального и физического здоровья. По современным оценкам, в одной только Японии сейчас насчитывают до

---

[11] Примечания: 11
Из стихотворения Уильяма Каупера. — *Примеч. ред.*

одного миллиона амфетаминовых наркоманов.

Из классических галлюциногенов, вызывающих видения, лучше всего известны мескалин, распространенный в Мексике и на юго-западе Соединенных Штатов, а также *Cannabis sativa*, конопля, которую употребляют по всему миру под такими названиями, как гашиш, бханг, кайф, план и марихуана. Согласно данным проведенных исследований, мескалин менее вреден, чем привезенные белым человеком виски и джин. Мескалин позволяет индейцам, которые ислузуют его в своих религиозных ритуалах, почувствовать себя в раю, слиться со своими возлюбленными сородичами, заплатив за это блаженство всего лишь неприятным вкусом зелья, которое надо жевать, и, возможно, небольшой тошнотой в течение одного-двух часов. Конопля — средство менее безобидное, но и не настолько вредное, как пытаются убедить нас продавцы дешевых сенсаций. Медицинский комитет, учрежденный мэром Нью-Йорка в 1944 году, после тщательного исследования вынес вердикт о том, что марихуана не является серьезной угрозой ни для общества, ни даже для тех, кто ее курит. Она способна причинить человеку лишь очень незначительные неприятности.

От классических наркотических средств мы теперь перейдем к последним разработкам психофармакологической индустрии. Самыми разрекламированными на сегодняшний день являются три транквилизатора — резерпин, хлорпромазин и мепробамат. Первые два препарата доказали свою высокую эффективность при назначении больным с определенными психозами и способность если не вылечить заболевание, то, во всяком случае, избавить больного от наиболее тяжелых симптомов. Мепробамат вызывает приблизительно такой же эффект у лиц, страдающих различными формами неврозов. Ни одно из этих лекарств не является полностью безвредным, но все осложнения, как ментальные, так и физические, выражены достаточно слабо в сравнении с их пользой. В мире, где никто не получает ничего даром, транквилизаторы предоставляют многое практически бесплатно. Мепробамат и хлорпромазин — еще не сома, но они очень близко подобрались к одному из аспектов этого мифического средства. Современные лекарства позволяют временно избавиться от нервного напряжения, но при этом в большинстве случаев не вызывают необратимых органических нарушений, хотя и могут — на фоне приема — спровоцировать

легкие расстройства умственной и физической работоспособности. Если не принимать их в качестве наркотиков, то эти лекарства следует предпочесть барбитуратам, которые сильно притупляют разум, а в больших дозах вызывают ряд нежелательных психофизических симптомов, включая развитие настоящего пристрастия.

Под названием ЛСД-25 (диэтиламида лизергиновой кислоты) фармакологи недавно создали еще один вид сомы. ЛСД обостряет чувственное восприятие и вызывает галлюцинации, но при этом с точки зрения физиологии совершенно безопасно. Это исключительное средство, которое действует в дозах пятьдесят и даже двадцать пять миллионных долей грамма, обладает чудесной способностью (подобно мескалину) переносить людей в другой мир. В большинстве случаев этот другой мир, куда переносит ЛСД, представляется людям райским местом. Правда, иногда у познавших его людей возникает ощущение, что они попали в чистилище или даже в преисподнюю. Однако, независимо от позитивных или негативных впечатлений, все, кто принимал лизергиновую кислоту, утверждают, что пережитый опыт был глубоко значимым и познавательным. Как бы то ни было, поражает тот

факт, что сознание можно радикально изменить, практически не влияя на здоровье тела.

Сома являлась не только галлюциногеном и транквилизатором, она была также (и это представляется вполне возможным) и умственным и телесным стимулятором, а кроме того, вызывала активную эйфорию и негативное счастье, ощущение которого непременно следует за освобождением от тревоги и напряжения.

Идеальный стимулятор — мощный и безвредный — пока ждет своего открытия. Амфетамин, как мы все в этом убедились, весьма далек от такого идеала, его вообще нельзя считать даже удовлетворительным средством. За доставленные удовольствия он требует слишком высокую цену. Более многообещающим кандидатом на выполнение третьего аспекта действия сомы является ипрониазид, который в настоящее время используют для лечения депрессии, для ободрения страдающих апатией пациентов, для поднятия тонуса и повышения уровня психической энергии. Еще более многообещающим, если верить одному выдающемуся фармакологу, с которым я знаком, является новое соединение, находящееся пока в стадии интенсивного исследования. Его рабочее название — деанер. Это

аминоспирт, который, по мысли его создателей, будет способствовать синтезу ацетилхолина, а следовательно, повышать активность и эффективность работы центральной нервной системы. Человеку, который примет данное лекарство, потребуется меньше сна, он станет чувствовать себя бодрее, у него улучшится настроение и повысится скорость мышления; при этом ему не придется расплачиваться за все заболеваниями и расстройствами. Мне кажется, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Таким образом, мы видим: несмотря на то, что сомы пока не существует и, возможно, ее никогда и не будет существовать, были открыты и синтезированы вещества, которые по своим свойствам приближаются к разным аспектам действия сомы. Теперь мы имеем физиологически дешевые транквилизаторы, галлюциногены и стимуляторы.

Очевидно, что диктатор, если захочет, сможет воспользоваться этими средствами в политических целях. С помощью влияния на химические процессы в головах людей он сможет избежать недовольства со стороны подданных их рабским положением. Транквилизаторы — для успокоения противников, стимуляторы — для вызывания

восторга у равнодушных, галлюциногены — для отвлечения людей от их несчастий. Но стоит спросить, каким образом диктатор вынудит своих подданных принимать пилюли, которые заставят людей мыслить, чувствовать и вести себя так, как угодно тирану? Для этого всего лишь нужно сделать такие пилюли общедоступными. Сегодня доступны алкоголь и табак, и многие тратят на эти стимуляторы, сомнительные транквилизаторы и успокоительные намного больше денег, чем на образование своих детей. Барбитураты и транквилизаторы в Соединенных Штатах продают только по рецепту врача. Однако потребность американцев в средстве, делающем более сносной жизнь в урбанизированном индустриальном обществе, так велика, что врачи в настоящее время за год выписывают сорок семь миллионов рецептов на различные транквилизаторы. Более того, во многих случаях медики выписывают эти лекарства повторно по многу раз. Сотни доз счастья уже недостаточно. Закончился один флакон, и мы посылаем в аптеку за следующим… Нет никакого сомнения в том, что, если бы транквилизаторы были так же дешевы и доступны, как аспирин, их покупали бы не миллиардами доз, как сейчас, а десятками и сотнями

миллиардов. Такими же популярными стали бы, конечно, и стимуляторы.

В условиях диктатуры фармацевтам будут даны инструкции менять ассортимент продаж в зависимости от политической ситуации. Во время кризиса в аптеках увеличат продажи стимуляторов. В периоды же между кризисами слишком большая активность населения может создать проблемы тирану. В такие времена подданных необходимо держать на транквилизаторах и галлюциногенах. С помощью этих успокоительных сиропов диктатор сможет быть уверенным, что его подданные не станут бунтовать и выдвигать нежелательные требования.

В современной ситуации, как мы уже видим, транквилизаторы способны предотвратить проблемы, которые люди создают не только своим правителям, но и самим себе. Слишком большое напряжение — это болезнь; но нездорово, когда напряжение излишне мало. Бывают ситуации, когда мы должны быть напряжены, когда чрезмерное спокойствие (особенно индуцированное химическими средствами) является абсолютно неприемлемым.

Во время недавнего симпозиума, посвященного мепробамату, где мне довелось присутствовать,

один знаменитый биохимик в шутку предложил правительству Соединенных Штатов подарить советскому народу пятьдесят миллиардов доз этого популярного транквилизатора. В данной шутке содержалась немалая доля правды. Трудно ли предсказать, какая из двух популяций одержит верх, если одна из них постоянно подвергается угрозам, обещаниям и узко направленной пропаганде, а вторая с тем же постоянством отвлекается от насущных проблем с помощью телевидения и таких успокоительных средств, как мепробамат?

Помимо обладания успокаивающим, галлюциногенным и стимулирующим эффектами, выдуманная мною сома повышала внушаемость обитателей дивного нового мира, и поэтому ее можно было использовать для усиления пропаганды. Для этой же цели можно использовать, хотя и с меньшей эффективностью и большим ущербом для здоровья, некоторые лекарства, уже вошедшие в фармакопею. Это, например, скополамин, активное начало белены, сильный яд, если принять его в большом количестве; существуют также пентотал и амитал натрия. Названный по каким-то неведомым причинам «сывороткой правды», пентотал использовался полицией некоторых стран для выбивания при-

знаний (или их внушения) из упорно молчащих преступников. Пентотал и амитал натрия снижают барьер между сознанием и подсознанием и поэтому используются для лечения «военного утомления» с помощью эффекта, известного в Америке под названием «эмоциональной разрядки», а в Англии — «наркосинтеза». Говорят, что в коммунистических странах эти лекарства используют, когда какого-то важного заключенного нужно представить в публичном судебном процессе.

Пока фармакология, биохимия и неврология стремительно развиваются, мы можем быть уверены в том, что всего через несколько лет будут открыты новые и улучшенные химические методы повышения внушаемости и подавления психологического сопротивления. Подобно всему на свете, эти открытия можно употребить как во благо, так и во вред человечеству. Они либо будут способствовать психиатрам в борьбе с душевными расстройствами, либо помогут диктаторам в борьбе со свободой. Более вероятно (поскольку наука сама по себе божественно беспристрастна), что новые средства станут порабощать и освобождать, исцелять и причинять вред одновременно.

Глава 9
Подсознательное внушение

В одной из сносок к изданию книги «Толкование сновидений» 1919 года Зигмунд Фрейд обратил внимание читателей на работу австрийского невролога доктора Петцля, который незадолго до того опубликовал статью, где описывал свои опыты с тахистоскопом. (Тахистоскопы — приборы двух типов. Прибор первого типа — это камера, в окуляр которой смотрит испытуемый, рассматривая изображения, появляющиеся на экране камеры на долю секунды; прибор второго типа — это проектор, отбрасывающий изображение на мгновение на настенный экран.) В своих экспериментах Петцль «просил испытуемых нарисовать изображение, которое они видели в тахистоскопе… На другой день он спрашивал испытуемых о том, что им снилось ночью, а затем снова предлагал нарисовать увиденное в описанных ими снах. Было достоверно показано, что материал сновидений основан на тех элементах тахистоскопических изображений, которые испытуемые *не* замечали во время просмотра изображений».

Опыты Петцля повторялись неоднократно в разных модификациях. Совсем недавно это сделал доктор Чарлз Фишер, опубликовавший три превосходные статьи о содержании сновидений и «досознательном восприятии» в журнале Американской психоаналитической ассоциации. В это же время не дремали и ученые-психологи. Подтвердив выводы Петцля, они установили, что люди на самом деле видят и слышат намного больше, чем им осознанно известно об этом. Мало того, то, что они видят и слышат неосознанно, записывается в их подсознании и влияет на осознанные мысли, чувства и поведение.

Чистая наука не может оставаться чистой до бесконечности. Рано или поздно ее результаты начинает использовать прикладная наука, и, наконец, достижения перекочевывают в область практических технологий. Теория трансформируется в практику, знание становится силой, формулы и лабораторные эксперименты претерпевают метаморфозы, и в результате возникает, например, водородная бомба. В данном случае прелестный образчик чистой науки Петцля и все прочие изыскания в области подсознательного восприятия на удивление долго сохраняли свою первозданную чистоту. Ранней осенью 1957 года,

через сорок лет после публикации Петцля, было громогласно объявлено, что всякая чистота этих работ навсегда осталась в прошлом. Чистая наука стала прикладной и перешла в царство технологий. Это заявление вызвало бурную реакцию; о нем писали и говорили во всем цивилизованном мире. И в том не было ничего удивительного, ибо «подсознательные проекции», как это теперь назвали, были теснейшим образом связаны с индустрией массовых развлечений. А в жизни цивилизованных человеческих существ массовые развлечения играют такую же роль, какую играла в Средние века религия. Наша эпоха получила множество разнообразных прозвищ — век беспокойства, атомная эра, космическая эра. С не меньшим правом она может быть названа эпохой телевизионной наркомании, эпохой мыльных опер и эпохой диджеев. В такую эру громогласное заявление о том, что чистая наука Петцля нашла свое приложение в форме подсознательной проекции, не могло не вызвать крайнего интереса со стороны тех, кого развлекала массовая индустрия. Ведь новая технология была обращена непосредственно к ним, и целью этой технологии стало такое манипулирование сознанием, когда его жертвы сами не догадыва-

лись о том, что ими манипулируют. С помощью специально сконструированных тахистоскопов слова или образы на несколько миллисекунд могли бы появляться на экранах телевизоров или кинотеатров *во время* (а не до того или после) демонстрации программы или фильма. «Пейте кока-колу», «Закури «Кэмел!» стали бы накладывать на страстные объятия влюбленных, на слезу безутешной матери, а зрительные нервы смотрящих добросовестно регистрировали бы эту неуловимую информацию, на которую подсознание послушно бы реагировало. А через некоторое время эти люди бросились бы покупать кока-колу и сигареты. В это время прозвучат и другие тайные послания, выраженные слишком тихим шепотом или слишком громким криком для того, чтобы проникнуть в подсознание. Осознанно слушатель будет обращать внимание на слова: «Дорогая, я люблю тебя», но подсознательно его невероятно чувствительные слух и зрение воспримут хорошие новости о дезодорантах и слабительных.

Действительно ли работает коммерческая пропаганда такого типа? Свидетельства, представленные фирмой, которая впервые раскрыла технику подсознательной проекции, были до-

статочно неопределенными и с научной точки зрения совершенно неудовлетворительными. Регулярный показ во время кинофильма советов покупать больше попкорна, как утверждали, привел к пятидесятипроцентному увеличению продажи попкорна в кинотеатрах во время перерывов между сеансами. Но один эксперимент еще ничего не доказывает. Более того, этот эксперимент был из рук вон плохо организован. Не было контрольной группы, не учтены многие переменные, которые могли бы повлиять на изменение продаж попкорна. Был ли это вообще самый эффективный способ практического приложения знания, накопленного за десятилетия научных исследований подсознательного восприятия? Возможно ли вообще, что одно лишь мелькание названий могло преодолеть сопротивление потенциальных покупателей и заставить их сломя голову бежать за попкорном? Ответ на эти вопросы может быть только отрицательным. Но это, конечно, не значит, что данные, полученные неврологами и психологами, не имеют никакого практического значения. При квалифицированном применении определенной части чудесной чистой науки Петцля она способна стать мощным инструментом манипуляции ничего не

подозревающим сознанием.

Для того чтобы подтвердить это утверждение, давайте отвлечемся от продавцов попкорна и обратим внимание на тех, кто с меньшим шумом, но, применяя более смелое воображение и более совершенные методы, экспериментировал в той же области. В Британии, где процесс манипулирования сознанием с уровня подсознания называют «стробоскопическим внушением», ученые подчеркивают практическую важность создания адекватных психологических условий для осуществления подсознательного убеждения. Внушение, преодолевающее порог сознания, скорее всего, возымеет действие, если внушаемый находится в состоянии гипнотического транса, под влиянием определенных лекарств, или ослаблен болезнью, голодом, или находится под воздействием физического или эмоционального стресса. Но то, что верно для внушения, осуществляемого выше порога сознания, так же верно и для внушения, осуществляемого на уровне подсознания. Другими словами, чем ниже уровень психологического сопротивления человека, тем эффективнее будет стробоскопическое внушение. Опирающийся на научные достижения диктатор будущего запустит свои шепчущие

машины и подсознательные проекторы в школах и больницах (дети и больные чрезвычайно внушаемы), а также во всех общественных местах, где аудиторию можно предварительно размягчить усиливающими внушаемость речами или ритуалами.

От условий, при которых мы можем ожидать высокой эффективности от подсознательного внушения, мы теперь перейдем к рассмотрению самого процесса внушения. Какими словами должен манипулятор сознанием обращаться к подсознанию своих жертв? Прямые команды («Покупай попкорн» или «Голосуй за Джонса»), а также безапелляционные утверждения («Социализм дурно пахнет» или «Зубная паста X устраняет дурной запах изо рта») возымеют действие только на тех, кто и без того уже почти за Джонса и попкорн или кто уже и без того проникся отвращением к запаху изо рта и национализации средств производства. Однако пропагандисту недостаточно просто укрепить жертву в его вере. Если пропагандист хочет добросовестно отработать свои деньги, он должен создать новую веру, заставить равнодушных и нерешительных перейти на свою сторону, должен уметь смягчить, возможно, даже обратить в

свою веру врага. Для того чтобы передавать подсознательные утверждения и команды, нужно добавить к ним подсознательное убеждение.

На сознательном уровне одним из наиболее эффективных методов иррационального убеждения является то, что мы называем ассоциативным убеждением. Пропагандист по собственной воле ассоциирует избранный им товар, кандидата или какое-то дело с некой идеей, образом человека или вещи, которую большинство людей данной культуры, без сомнения, считают хорошей. Так, в рекламной кампании женская красота может произвольно ассоциироваться с чем угодно — от бульдозера до мочегонных средств; в политической кампании патриотизм можно использовать для ассоциации с любой идеей — от апартеида до интеграции, и с любым типом личности — от Махатмы Ганди до сенатора Маккарти. Много лет назад, в Центральной Америке, я наблюдал разительный пример ассоциативного убеждения, которое наполнило меня искренним восхищением людьми, его придумавшими. В горах Гватемалы единственными импортными произведениями искусства являются цветные календари, которые ввозятся в страну бесплатно иностранными компаниями, а затем продаются местным индейцам.

Календари эти в основном американские, и украшены они красивыми ландшафтами, собаками и девушками разной степени обнаженности. Однако для индейцев ландшафты — это привычный ежедневный вид, собаки — полезный в хозяйстве предмет, а полуголая блондинка у индейского мужчины особого интереса не вызывает, мало того, может быть ему даже неприятна. Таким образом, американские календари оказывались менее популярными, чем немецкие, потому что немецкие рекламщики потрудились выяснить, что ценят индейцы и к чему они проявляют интерес. В частности, мне вспоминается один подлинный шедевр коммерческой пропаганды. Это был календарь, изданный по заказу производителей аспирина. В нижней части картины числился знакомый логотип известной фирмы и знакомый флакончик с белыми таблетками. Над этим изображением не было ни заснеженных полей, ни осеннего леса, ни кокер-спаниелей, ни грудастых девиц из подтанцовки. Нет, коварные немцы соединили обезболивающие таблетки с реалистично выписанной яркими красками Святой Троицей, восседавшей на кучевом белом облаке в окружении святого Иосифа, Девы Марии, сонма святых и ангелов. Таким обра-

зом, чудодейственные свойства аспирина для глубоко религиозного сознания индейцев были гарантированы Богом-отцом и всем его небесным воинством.

Именно к такому ассоциативному способу убеждения, как мне кажется, больше всего тяготеют методы подсознательной проекции. В серии экспериментов, выполненных в Нью-Йоркском университете под эгидой Национального института здоровья, было обнаружено, что чувства человека в отношении какого-либо осознанно увиденного образа можно модифицировать, связав этот образ на подсознательном уровне с другим образом или, что еще лучше, с каким-либо оценочным словом. Так, если изображение лица связать на подсознательном уровне со словом «счастливый», то лицо, лишенное в действительности всякого выражения, начнет казаться испытуемому улыбающимся, дружелюбным и открытым. Когда то же лицо связывали на подсознательном уровне со словом «злой», испытуемым это лицо начинало казаться замкнутым, враждебным и неприятным. (Женщинам в последнем случае лицо представлялось мужским, хотя, когда с лицом связывали слово «счастливый», им оно же казалось принадлежащим

представительнице женского пола; отцы и мужья, возьмите это на заметку.) Для коммерческих и политических пропагандистов эти данные, несомненно, имеют очень большое значение. Если пропагандист сможет ввести свою жертву в состояние повышенной внушаемости, если в этом состоянии он покажет ей товар, человека или символ идеи, которые намеревается продать, и если на подсознательном уровне пропагандист сумеет связать товар, человека или символ с каким-либо оценочным словом или образом, то сможет так модифицировать отношение жертвы ко всем этим предметам, что она не будет иметь ни малейшего понятия о проделанной манипуляции. По мнению группы предпринимателей из Нового Орлеана, такой способ был бы очень хорош для повышения привлекательности фильмов и телевизионных программ. Людям нравится испытывать сильные эмоции, и поэтому они любят смотреть трагедии, триллеры, детективы с убийствами и легенды о страстной любви. Показ сражения или любовного объятия вызывает у зрителя сильные эмоции. Но эмоция может стать еще сильнее, если на подсознательном уровне связать ее с определенными словами или символами. Например, в фильме «Прощай,

оружие» смерть главной героини в родах можно сделать еще более трогательной и ужасной, если на очень короткие моменты на экране будут всплывать лишь подсознательно воспринимаемые слова «боль», «кровь» и «смерть». Сознание не будет успевать регистрировать эти слова, но их воздействие на подсознательный ум может быть крайне значительным, усилив эмоции, вызванные событиями, происходящими на экране. Если — а это представляется почти достоверным — подсознательная проекция будет способна усилить эмоции, испытываемые посетителями кинотеатров, то можно гарантировать, что банкротство киноиндустрии в обозримом будущем не грозит, если, конечно, телевизионщики не успеют воспользоваться этой идеей раньше.

В свете того, что было сказано об ассоциативном убеждении и об усилении эмоций посредством подсознательного внушения, давайте попробуем представить себе, как будет выглядеть политический митинг недалекого будущего. Кандидат (если в то время еще будет нужда в кандидатах) или назначенный представитель правящей олигархии произнесет речь. В это же время тахистоскопы, тихо шепчущие и визжащие в области ультразвука динамики и проекторы изображе-

ний, доступных лишь подсознанию ввиду их смутности, будут усиливать сказанное оратором, подкреплять позитивными словами и образами самого оратора и его идеи и сопровождать негативными словами и образами врагов народа и государства, подкреплять их отрицательный образ с помощью стробоскопического внушения. В Соединенных Штатах можно показывать на экранах мгновенные изображения Авраама Линкольна, а на трибуне время от времени на миллисекунды демонстрировать его слова «правительство из народа». В России оратора, конечно, будут сопровождать мгновенные изображения Ленина и слова «народная демократия», а станет возвышаться борода святого отца Маркса. Подобные фантазии, поскольку они не грозят нам в ближайшем будущем, вызывают сейчас лишь улыбки. Но пройдет десять или двадцать лет, и такое, возможно, уже не покажется нам забавным. То, что сегодня представляется чистой фантастикой, может завтра стать повседневной политической реальностью.

Петцль был предтечей, которого я совершенно упустил из вида, когда писал «О дивный новый мир». В той книге нет упоминаний о подсознательной проекции. Это моя большая ошибка,

и если бы я смог переписать сегодня книгу, то, несомненно, исправил бы ее.

Глава 10
Гипнопедия

Поздней осенью 1957 года исправительное учреждение «Вудленд-роуд» в калифорнийском Туларе стало местом проведения интересного эксперимента. Под подушки группы заключенных, изъявивших согласие поучаствовать в эксперименте в качестве подопытных кроликов, были помещены миниатюрные динамики. Каждый из этих динамиков подключили к проигрывателю в помещении надзирателей. Ежечасно в динамиках раздавался проникновенный шепот, читавший краткую проповедь о «принципах нравственной жизни». Проснувшись среди ночи, заключенный мог слышать этот тихий голос, превозносивший основные добродетели, или отзвуки собственного внутреннего голоса, говорившего от лица «доброй части» его «я»: «Я преисполнен любви и сострадания, да поможет мне Бог».

Прочитав об этом эксперименте в «Вудленд-роуд», я обратился ко второй главе «О дивного нового мира». В ней директор инкубатория

и воспитательного центра Западной Европы объясняет группе студентов принципы работы государственной системы этического воспитания, известной к седьмому веку эры Форда под названием «Гипнопедия». Первые попытки обучения во сне, объяснял директор слушателям, делались с методическими погрешностями и потому оказались безуспешными. Деятели просвещения пытались обучать интеллектуальным вещам своих дремлющих учеников. Но интеллектуальная деятельность несовместима со сном. Гипнопедия стала успешной только после того, как ее применили для *нравственного* воспитания, другими словами, для выработки поведенческих условных рефлексов путем словесного внушения в состоянии сниженного психологического сопротивления. «Но бессловесное внедрение рефлексов действует грубо, огульно; с помощью него нельзя сформировать более тонкие и сложные шаблоны поведения. Для этой цели требуются слова, но вдумывания не нужно»[12]. То есть слова, для понимания которых не требуется анализа, но при этом такие, что их может без труда усвоить спящий мозг. Это и есть истинная гипнопедия,

[12] Примечания: 12

Цитата из «О дивного нового мира» О. Хаксли в переводе О. Сороки. — *Примеч. ред.*

«величайшая нравоучительная и социальная сила всех времен». В «О дивном новом мире» граждане, принадлежавшие низшим кастам, никогда не создавали проблем для государства. Почему? Потому что с того самого момента, как такой гражданин начинал говорить и понимать обращенные к нему слова, его подвергали регулярно повторяющимся внушениям — ночь за ночью, в состоянии дремоты и сна. Эти внушения капают, «словно падает жидкий сургуч, и капли налипают, обволакивают и пропитывают, покуда бывший камень весь не обратится в ало-восковой комок. Покуда наконец все сознание ребенка не заполнится тем, что внушил голос, и то, что внушено, не станет в сумме своей сознанием ребенка. И не только ребенка, а и взрослого — на всю жизнь. Мозг рассуждающий, желающий, решающий — весь насквозь будет состоять из того, что внушено. Внушено нами! Внушено Государством!»[13]

Сегодня, насколько я знаю, к гипнопедическим внушениям не прибегало ни одно учреждение, более значимое, нежели исправительное учреждение в Туларе, и надо сказать, что с моральной

[13] Примечания: 13

Цитата из «О дивного нового мира» О. Хаксли в переводе О. Сороки. — *Примеч. ред.*

точки зрения такие внушения абсолютно безупречны. Ах, если бы все мы, а не только заключенные «Вудленд-роуд», могли бы, не просыпаясь, исполниться любви и сострадания ко всему на свете! Нет, мы возражаем не против шепчущей проповеди евангельского добра; мы возражаем против самого принципа государственного обучения во сне. Является ли гипнопедия тем инструментом, которым могли бы невозбранно, по своему усмотрению пользоваться чиновники, исполняющие властные функции от лица демократического общества? В случае с заключенными они пользуются этим методом только на добровольцах и с самыми лучшими намерениями. Но нет никакой гарантии, что и в других случаях намерения будут самыми лучшими, а внушение станет осуществляться на сугубо добровольной основе. Будет плох любой закон или социальный акт, который хотя бы косвенно вводит чиновника в искушение. Любой же закон или регулирующий акт, который станет препятствовать искушению чиновника злоупотребить предоставленным ему правом к собственной выгоде, к выгоде государства или какой-либо политической, экономической или религиозной организации, будет хорош. Гипнопедия, если она

эффективна, станет мощным инструментом в руках любого, кто имеет право и возможность применять внушение в отношении подневольной аудитории. Демократическое общество — это общество, преданное идее о том, что властью часто злоупотребляют, и поэтому ее можно доверять чиновникам лишь в ограниченной мере и на ограниченный период времени. В таком обществе применение гипнопедии чиновниками должно регулироваться законом — конечно, в том случае, если гипнопедия на самом деле является инструментом власти. Но является ли она таким инструментом в действительности? Будет ли она работать так же хорошо, как она — в моем воображении — работает в седьмом веке эры Форда? Давайте присмотримся к аргументам.

В журнале «Психологический бюллетень», в июльском номере 1955 года, была опубликована статья, в которой Чарлз Саймон и Уильям Эммонс проанализировали и оценили десять наиболее важных работ в этой области. Все исследования, естественно, были посвящены изучению памяти. Действительно ли обучение во сне помогает учащимся механически запоминать материал? Насколько хорошо запоминается материал, который механизм нашептывает ночью в ухо спящего

ученика, и сколько этого материала он вспомнит, проснувшись утром? Саймон и Эммонс отвечают на этот вопрос так: «Нами были проанализированы десять исследований, посвященных обучению во сне. Результаты этих работ без должной критики цитировались в рекламе коммерческих фирм, а также в популярных журналах и газетных статьях в качестве доказательств эффективности обучения во время сна. В данной статье были подвергнуты критическому разбору и анализу структура эксперимента, статистическая обработка результатов и применявшиеся критерии сна. Все исследования были слабы в отношении по крайней мере одного из этих аспектов». Проведенные исследования не доказали, что процесс обучения протекал именно *во сне*. Обучение в некоторых случаях происходило «в особом состоянии бодрствования, о котором после утреннего пробуждения у испытуемых не сохранялось никаких воспоминаний. Этот феномен может иметь важное значение с точки зрения экономии времени, потраченного на обучение, но его нельзя называть обучением во сне… Проблема связана отчасти с неадекватным определением сна».

Тем не менее факт остается фактом: в американской армии во время Второй мировой войны

(а экспериментально даже во время Первой) дневное обучение личного состава азбуке Морзе и иностранным языкам дополнялось обучением во время сна — очевидно, с удовлетворительным результатом. После окончания Второй мировой войны несколько коммерческих фирм в Соединенных Штатах и некоторых других странах начали в больших количествах продавать выполненные в виде подушек динамики и снабженные таймерами проигрыватели и магнитофоны, предназначавшиеся для актеров, спешно заучивающих свои роли, для политиков и проповедников, желавших выказать красноречие в своих якобы импровизированных речах, для студентов, готовящихся к экзаменам, и, наконец (и это была самая прибыльная статья доходов от продаж), для бесчисленных недовольных собой потребителей, которые желали подвергнуться внушению или самовнушению, чтобы стать другими людьми. Речитативы самовнушения можно было легко записать на магнитную ленту, а затем снова и снова прослушивать днем и ночью, в бодрствующем состоянии и во сне. Внушения сторонних гипнотизеров продавались в виде записей, содержащих самые разнообразные послания. На рынке есть записи, помогающие сбрасывать напряжение

и входить в состояние целительной релаксации; записи, внушающие уверенность в себе (чаще всего к ним прибегают продавцы); записи с внушениями, усиливающими личное обаяние и магнетизм. Лучше всего продаются записи с внушениями, касающимися достижения сексуальной гармонии и помогающие избавляться от лишнего веса. («Я абсолютно безразличен к шоколаду, меня не может соблазнить картошка, мне не хочется даже самых аппетитных пончиков».) Есть записи с внушениями, которые помогают улучшать здоровье и даже зарабатывать больше денег. Самое замечательное во всем этом то, что, согласно многочисленным письмам покупателей этих записей, они на самом деле помогают: люди начинают зарабатывать больше денег после курса гипнопедии, многие страдающие ожирением дамы сбрасывают вес, а супружеские пары, находившиеся на грани развода, достигают сексуальной гармонии и счастливо живут вместе.

В этом контексте очень поучительной представляется статья Теодора Барбера «Сон и гипноз», напечатанная в октябрьском номере «Журнала клинического и экспериментального гипноза». Мистер Барбер отмечает, что есть большая разница между поверхностным и глубоким сном. Во

время глубокого сна на электроэнцефалограмме отсутствуют альфа-волны; во время поверхностного сна альфа-волны составляют значительную часть электрической активности головного мозга. В этом отношении поверхностный сон ближе к состоянию бодрствования или к состоянию гипноза (в обоих случаях присутствуют альфа-волны), чем к состоянию глубокого сна. Громкий звук пробуждает человека, находящегося в состоянии глубокого сна. Менее энергичные раздражители не разбудят спящего, но вызовут появление на его электроэнцефалограмме альфа-волн. На какое-то время глубокий сон уступит место сну поверхностному.

В состоянии глубокого сна человек не поддается внушению. Однако испытуемые, находящиеся в состоянии поверхностного сна, реагируют на внушение, как установил Барбер, так же, как люди, находящиеся в состоянии гипнотического транса.

Такие эксперименты многие исследователи гипноза проводили и в прошлом. В своем классическом труде «История, практика и теория гипноза», впервые опубликованном в 1903 году, Милн Брамуэлл пишет, что «многие авторитеты утверждают, будто им удавалось превращать

естественный сон в сон гипнотический. По мнению Уэттерстранда, часто бывает очень легко войти в раппорт со спящими людьми, особенно с детьми… Уэттерстранд считает, что такой метод введения в гипноз имеет большую ценность, и утверждает, что неоднократно с успехом его использовал». Брамуэлл цитирует также мнения многих других именитых гипнотизеров (включая столь известных, как Бернгейм, Молл и Форель), согласных с мнением Уэттерстранда. Правда, сегодня ученые не говорят о «превращении естественного сна в гипнотический». Единственное, что на данный момент готовы сказать, так это то, что поверхностный сон (в противоположность глубокому сну, который характеризуется отсутствием альфа-волн) является состоянием, в котором многие испытуемые поддаются внушению так же легко, как если бы они находились в состоянии гипноза. Например, если человеку, находящемуся в состоянии поверхностного сна, сказать, что он скоро проснется, испытывая сильную жажду, то многие из них на самом деле скоро просыпались с пересохшим горлом и сразу тянулись к воде. В состоянии поверхностного сна кора головного мозга слишком неактивна для того, чтобы непосредственно мыслить; но она

тем не менее готова реагировать на внушения и передавать команды вегетативной нервной системе.

Известный шведский исследователь и врач Уэттерстранд добился впечатляющих успехов в лечении спящих детей. В наши дни его методам следуют некоторые педиатры, которые советуют молодым матерям делать полезные внушения детям, когда те находятся в состоянии поверхностного сна. При таком методе гипнопедии детей можно излечить от ночного недержания мочи, привычки грызть ногти, их можно психологически подготовить к предстоящей хирургической операции или придать им уверенность в своих силах, если в жизни ребенка складывается неблагоприятная ситуация. Я сам видел замечательные результаты, достигнутые у маленьких детей путем такого внушения во сне. Вероятно, подобного же эффекта можно добиться и у взрослых.

Для настоящих и будущих диктаторов мораль сей басни очевидна. В соответствующих условиях гипнопедия действительно работает — работает приблизительно так же хорошо, как и гипноз. То, что можно сделать с человеком в состоянии гипнотического транса, реально сделать и с чело-

веком, находящимся в состоянии поверхностного сна. Словесное внушение может проникнуть сквозь дремлющую кору в средний мозг, ствол мозга и в вегетативную нервную систему. Если внушения умело сформулированы и достаточно часто повторяются, то они способны как улучшить, так и ухудшить телесное состояние организма. Во сне человеку реально внушить новые образцы поведения или модифицировать старые; человеку можно отдавать необходимые распоряжения, внушать определенные лозунги, штампы и триггерные слова, глубоко внедряя их в память. Дети лучше поддаются гипнопедии, чем взрослые, и будущие диктаторы смогут извлечь большую пользу из данного факта. Дети ясельного и детсадовского возраста будут подвергаться нужному обучению во время послеобеденного сна. Для старших детей, в особенности для детей членов партии — то есть для мальчиков и девочек, предназначенных быть лидерами, администраторами и учителями, — откроют школы-интернаты, где превосходное дневное образование будет дополнено ночным обучением во сне. В работе со взрослыми особое внимание уделят больным. Павлов уже много лет назад продемонстрировал, что даже психологически

устойчивые и выносливые собаки становятся полностью внушаемыми после операций или на фоне тяжелой болезни. Наш диктатор в первую очередь позаботится о том, чтобы все больничные отделения были оснащены современной звуковоспроизводящей аппаратурой. Аппендэктомия, роды, воспаление легких или гепатит — все это станет поводом для проведения интенсивного курса преданности и истинной веры; подкреплением убежденности в правоте принципов местной государственной идеологии. Еще одну подневольную аудиторию можно найти в тюрьмах, трудовых лагерях, воинских казармах, на кораблях, в поездах и самолетах (во время ночных полетов). Кроме того, этот метод реально применять на фоне изматывающего пребывания в залах ожидания вокзалов, аэропортов и автостанций. Даже если эффективность таких внушений будет составлять какие-нибудь десять процентов, то и этот результат впечатляет и вполне устроит любого диктатора.

От повышенной внушаемости, обусловленной поверхностным сном и гипнозом, перейдем к внушаемости бодрствующих людей или, во всяком случае, тех, кто воображает, будто бодрствует. (На самом деле, как утверждают буддисты,

большинство из нас бредет по жизни в полусне, как сомнамбулы, подчиняясь чужим внушениям. Просветление — это полное бодрствование. Имя «Будда» переводится как «пробудившийся».)

С точки зрения генетики каждый человек уникален и во многих отношениях отличается от других человеческих существ. Диапазон индивидуальных отклонений от статистической нормы удивительно велик. Давайте вспомним, что статистическая норма полезна лишь в расчетах страховых компаний, а не в реальной жизни. В реальной жизни нет такого существа, как среднестатистический человек. Есть лишь конкретные мужчины, женщины и дети, каждый из которых обладает своими индивидуальными, врожденными особенностями тела и ума и пытается (или его к этому вынуждают) втиснуть свое биологическое разнообразие в более или менее тесный культурный шаблон.

Внушаемость — это качество, значительно варьирующееся от индивида к индивиду. Внешние факторы определенно играют свою роль, делая одного человека более восприимчивым к внушению, чем другого; однако с не меньшей определенностью существуют и конституциональные различия внушаемости разных индиви-

дов. Непреодолимая устойчивость к внушению встречается крайне редко. И это очень хорошо, ибо если бы все люди были абсолютно невосприимчивы к внушению, то общественная жизнь стала бы попросту невозможной. Общества могут достаточно эффективно функционировать только благодаря тому, что — в той или иной степени — люди в своем большинстве хорошо поддаются внушению. Крайняя степень внушаемости, по-видимому, встречается так же редко, как и крайняя степень ее отсутствия. И это тоже очень хорошо, ибо если бы все люди отличались высшей степенью внушаемости, то для большинства электората свободный выбор и рациональное волеизъявления стали бы практически невозможными, и демократические институты не только не имели бы шанса сохраниться, они попросту не смогли бы даже возникнуть.

Несколько лет назад в Центральном госпитале штата Массачусетс был проведен впечатляющий эксперимент по изучению обезболивающего действия плацебо. (Плацебо — нечто такое, что пациент считает активно действующим лекарством, но на самом деле являющееся абсолютно индифферентным веществом.) В эксперименте участвовали сто шестьдесят два человека, только

что перенесшие хирургические операции и страдавшие от сильной боли. Когда пациент просил вколоть обезболивающее, ему делали инъекцию либо настоящего обезболивающего, либо дистиллированной воды. Всем пациентам попеременно ставили уколы либо морфия, либо плацебо. Около тридцати процентов больных не получали никакого облегчения от инъекций плацебо. Однако, с другой стороны, пятнадцать процентов пациентов испытывали реальное облегчение после инъекции дистиллированной воды. В остальных пятидесяти пяти процентах случаев люди могли испытывать облегчение от инъекции плацебо, но отнюдь не всегда, а от случая к случаю.

Чем именно отличались друг от друга внушаемые пациенты, реагировавшие на плацебо, и не внушаемые, на плацебо не реагировавшие? Тщательное исследование этого вопроса показало, что ни возраст, ни пол не были значимыми факторами. Мужчины реагировали на плацебо так же часто, как женщины, а молодые люди — так же, как пожилые. Измеренный стандартными методами уровень интеллекта тоже не играл в реакции на пустышку никакой роли. Средний IQ в обеих группах оказался приблизительно одинаковым. Группы различались между собой

характерами, тем, как они воспринимали себя и окружающих. Реагировавшие на плацебо люди оказались более склонными к сотрудничеству и менее склонными к критике и подозрительности. Они никогда не причиняли хлопот медсестрам, а уход, полученный в госпитале, считали просто «чудесным». Однако несмотря на то, что эти пациенты были настроены более дружелюбно по отношению к другим, их отношение к самим себе оказалось пронизано постоянной тревожностью. В условиях стресса эта тревожность проявлялась разнообразными психосоматическими симптомами — болью в желудке, поносом, головной болью. Несмотря на тревожность (а возможно, и благодаря ей) большинство реагировавших на плацебо людей охотнее выказывали эмоции и отличались большей разговорчивостью, нежели пациенты, не выказавшие реакции на плацебо. Первые оказались в целом намного более религиозны и проявляли значительный интерес к церковным делам и на подсознательном уровне острее реагировали на неприятные ощущения в животе и в малом тазу.

Интересно сравнить эти показатели реагирования на плацебо с оценками, сделанными — в своей области — специалистами по гипнозу. При-

близительно одна пятая всего населения, говорят нам эти специалисты, очень легко поддается гипнозу. Еще одна пятая не поддается ему вообще. Иногда таких людей можно загипнотизировать, если они находятся под воздействием лекарств или вследствие сильного утомления пребывают в состоянии пониженной психологической устойчивости. Оставшихся три пятых загипнотизировать не так легко, как представителей первой группы, но легче, чем представителей второй. Один из производителей записей для обучения во сне говорил мне, что приблизительно двадцать процентов покупателей его продукции были в полном восторге и уже через весьма короткое время сообщали о потрясающих результатах. На противоположном конце спектра находится меньшинство в восемь процентов, которые регулярно требуют вернуть им потраченные на запись деньги. Между этими двумя крайностями находятся люди, не получающие быстрых результатов, но тем не менее достаточно внушаемые для того, чтобы в конце концов ощутить эффект. Если такие люди регулярно слушают во сне какие-то внушения, то они на самом деле получают то, чего хотят, — становятся более уверенными в себе, достигают сексуальной гар-

монии, сбрасывают лишний вес или начинают больше зарабатывать.

Идеи демократии и свободы входят в противоречие с грубым фактом существования человеческой внушаемости. Одну пятую всего электората можно загипнотизировать в мгновение ока, одну седьмую можно избавить от боли инъекцией дистиллированной воды, четверть населения с готовностью откликается на обучение во сне. К этому более чем послушному меньшинству следует добавить более инертное большинство, менее экстремальную внушаемость которого может использовать в своих интересах любой, кто хорошо знает свое дело и одновременно готов потратить время и силы.

Совместима ли индивидуальная свобода с высокой степенью индивидуальной внушаемости? Смогут ли уцелеть демократические институты в условиях подрывной деятельности, которую ведут изнутри демократии квалифицированные манипуляторы сознанием, поднаторевшие в науке и искусстве эксплуатации внушаемости как индивида, так и толпы? В какой мере можно с помощью образования и просвещения нейтрализовать врожденную склонность к избыточной внушаемости, которая может навре-

дить благу индивида и всего демократического общества? Насколько мы в состоянии законодательно ограничить необузданную эксплуатацию человеческой внушаемости бизнесменами и церковниками, а также политиками — как находящимися у власти, так и ее домогающимися? На первые два вопроса — прямо или косвенно — ответы были даны в предыдущих главах. В следующих, последних, главах я рассмотрю проблемы профилактики и лечения.

Глава 11
Просвещение ради свободы

Просвещение ради свободы должно начинаться с публичного установления фактов и провозглашения ценностей, а затем продолжиться разработкой методов реализации ценностей и борьбы с теми, кто — по каким бы то ни было причинам — предпочитает игнорировать факты или отрицать ценности.

В одной из первых глав я коснулся такой социальной этики, в рамках которой зло, возникающее в результате чрезмерной организации и перенаселения, оправдывают и, по видимости, выдают за добро. Согласуется ли такая система ценностей с тем, что мы знаем о телесных и характерологических свойствах человека? Социальная этика предполагает, что для формирования человеческого поведения в первую очередь важно воспитание, а человеческая натура — психофизическая организация личности, с которой человек рождается, — является здесь пренебрежимо малым по значимости фактором. Но верно ли это? Верно ли то, что человеческое

существо есть не что иное, как продукт своего социального окружения? Если же это неверно, то какие оправдания могут быть у постулата о том, что индивид менее важен, нежели группа, членом которой он является?

Все полученные до сих пор данные ведут к заключению о том, что в жизни индивидов и обществ наследственность играет не менее важную роль, чем культура. Каждый индивид биологически уникален и не похож на других индивидов. Следовательно, свобода — это великое благо, терпимость — великая добродетель, а чрезмерная регламентация — большое несчастье. Руководствуясь практическими и теоретическими соображениями, диктаторы, организаторы и некоторые ученые всеми силами стремятся свести ошеломляющее разнообразие человеческой природы к определенного рода управляемому единообразию. Во время первого припадка своей бихевиористской лихорадки Дж. Уотсон прямо заявил, что не смог обнаружить «объективных данных ни в пользу наследственной природы паттернов человеческого поведения, ни в пользу того, что особые дарования (музыкальные, художественные и пр.) передаются в семьях из поколения в поколение». Даже сегодня мы видим,

что выдающийся психолог, гарвардский профессор Б. Скиннер настаивает на том, что «по мере того как научные объяснения становятся все более и более обоснованными, вклад собственно личности в поведение представляется стремящимся к нулю. Хваленые творческие способности человека, его достижения в искусстве, науке и морали, его способность делать осознанный выбор и право нести ответственность за сделанный выбор — ничто из этого уже не выглядит выдающимся на новом научном автопортрете человека». Другими словами, пьесы Шекспира писал не Шекспир и даже не Бэкон или граф Оксфордский, а елизаветинская Англия.

Более шестидесяти лет назад Уильям Джеймс написал эссе «Великие люди и их окружение», в котором выступил в защиту выдающихся личностей от нападок Герберта Спенсера. Спенсер объявил, что Наука (очень удобная персонификация мнений, сообразно дате, неких профессоров X, Y и Z) полностью устранила Великого человека. «Великий человек, — писал он, — должен быть отнесен к ряду всех других общественных явлений, которые его породили как продукта и наследника его предшественников». Великий человек может быть (или казаться) «непосред-

ственным инициатором изменений… Но если мы хотим реально объяснить эти изменения, то нам следует найти комплекс условий, из которых возникли как великий человек, так и якобы порожденные им изменения». Это великолепный образец пустой глубокомысленности, к которой невозможно приложить никакой практический смысл. Наш философ говорит, что прежде чем что-либо понять, мы должны знать все. Кто бы в этом сомневался? Однако на деле мы никогда не будем знать всего. Следовательно, мы должны удовлетвориться частичным пониманием и приближенным знанием причин — включая и феномен влияния великого человека. «Если и можно утверждать что-то наверняка в отношении человеческой природы, — пишет Уильям Джеймс, — так это то, что окружение великого человека не создает его до тех пор, пока он сам его не переделает. Великого человека создают физиологические силы, которые имеют такое же отношение к социальным, политическим, географическим и в большой степени антропологическим условиям, какое имеет кратер Везувия к пламени газовой лампы, при свете которой я пишу эти строки. Возможно ли, чтобы господин Спенсер действительно считал, что социологиче-

ское давление таким образом подействовало на Стратфорд-на-Эйвоне 26 апреля 1564 года, что там родился У. Шекспир со всеми своими духовными и ментальными особенностями и дарованиями? … Не хочет ли господин Спенсер сказать, что если бы вышеупомянутый У. Шекспир умер в младенчестве от холеры, то другая мать в Стратфорде-на-Эйвоне породила дубликат великого драматурга для того, чтобы восстановить социальное равновесие?»

Профессор Скиннер — специалист по экспериментальной психологии, его монография «Наука и человеческое поведение» основана на солидных фактах. Но, к сожалению, его факты относятся к такой узкой области, что, когда Скиннер отваживается использовать свои результаты для обобщения, его выводы становятся столь же нереалистичными, как выводы какого-нибудь викторианского теоретика. И это неизбежно, ибо профессор Скиннер проявляет к тому, что Джеймс называет «физиологическими силами», практически такое же равнодушие, что и Герберт Спенсер. Скиннер отбрасывает прочь определяющие человеческое поведение генетические факторы уже на второй странице своего труда. В его книге отсутствуют всякие ссылки на дан-

ные конституциональной медицины, нет даже намека на конституциональную психологию, в понятиях которой (и только в них, насколько я могу судить) возможно написать полную и реалистичную биографию индивида — в связи с важнейшими фактами его бытия — телесными, характерологическими, интеллектуальными, с его непосредственным окружением в последовательные моменты жизни, с его эпохой, местом рождения и господствовавшей в его окружении культурой. Наука о человеческом поведении напоминает науку о движении, взятую в ее абстрактной ипостаси, — эта абстрактная наука, при всей ее необходимости, сама по себе абсолютно неадекватна фактам. Посмотрим на полет стрекозы, полет ракеты и на разбивающуюся о скалу волну. Все три примера иллюстрируют один и тот же фундаментальный физический закон движения; но иллюстрируют по-разному, и эта разница так же важна, как и тождество. Само по себе изучение движения может не сказать нам ничего о предмете, который движется в любое данное мгновение. Точно так же изучение поведения как такового ничего не говорит нам об индивидуальном взаимодействии сознания и тела, которое и определяет поведение в каждый

данный момент времени. Но для нас, людей, представляющих собой совокупность сознания и тела, понимание конкретных проявлений этого взаимодействия представляется чрезвычайно важным. Мало того, мы из собственных наблюдений и на собственном опыте знаем, что люди, обладающие разными психофизическими качествами, могут по-разному влиять (и влияют) на свое социальное окружение. В этом последнем пункте Бертран Рассел полностью согласен с Уильямом Джеймсом — как, впрочем, и все, добавлю я, за исключением поборников наукообразия Спенсера и бихевиористов. По мнению Рассела, исторические изменения могут иметь причины троякого рода — экономическая ситуация, политические теории и деятельность выдающихся личностей. «Я не верю, — говорит господин Рассел, — что можно игнорировать любую из этих причин или устранить ее, считая следствием действующих причин другого рода». Так, если бы Бисмарк и Ленин умерли во младенчестве, то мир был бы сейчас не таким, каким он стал, благодаря отчасти Бисмарку и Ленину. История пока не является наукой и выглядит наукообразной только благодаря фальсификациям и умолчаниям. В реальной жизни, которую

проживают изо дня в день, индивида нельзя исключить из объяснения явлений этой жизни. Только в теории роль индивида в жизни может стремиться к нулю. На практике роль индивида очень важна. Когда в мире совершается какая-то работа, то кто конкретно ее делает? Чьи глаза и уши воспринимают информацию, кора чьего мозга думает, чья воля преодолевает препятствия? Определенно, не социальное окружение, ибо группа людей — это не организм, это всего лишь слепая, не обладающая сознанием организация. Все, что делается в обществе, делается отдельными, конкретными индивидами. Конечно, на этих индивидов сильно влияет окружающая их культура, табу и нравственные правила, информация и дезинформация, пришедшая из прошлого в виде устной традиции или писаной истории; но что бы индивид ни брал у общества (точнее, что бы он ни брал у других индивидов, объединенных в группы, или из записей, сделанных другими индивидами, живыми или умершими), это будет использовано им лично, уникальным, только ему присущим способом, посредством его особых чувств, биохимических особенностей его организма, его телесного здоровья, характера и темперамента — его, и ничьего больше. Никакие

научные объяснения, какими бы обширными и глубокомысленными они ни были, не смогут устранить этот самоочевидный факт. Не будем также забывать, что нарисованный профессором Б. Скиннером научный портрет человека как продукта социального окружения не является единственным научным портретом. Есть и другой портрет, имеющий больше сходств с оригиналом. Присмотримся, например, к портрету, нарисованному профессором Роджером Уильямсом. То, что он описывает, является не абстракцией поведения, но описанием поведения конкретных организмов, организмов, обладающих индивидуальным сознанием, и это поведение является отчасти продуктом окружения, в котором они находятся, а отчасти — продуктом их собственной, личной наследственности. В своих книгах «Фронтир человечества» и «Свободные, но неравные» профессор Уильямс подробно рассуждает, опираясь на убедительные данные, о врожденных различиях между индивидами, о тех различиях, для существования которых доктор Уотсон не находит никаких оснований и важность которых, по мнению профессора Скиннера, стремится к нулю. Биологическая вариативность между животными возрастает по мере продвижения вверх

по эволюционной лестнице. Эта биологическая вариативность наиболее велика у человека, и люди проявляют высочайшую степень биохимического, структурного и характерологического разнообразия, большую, нежели у любого другого известного нам биологического вида. Это непреложный, легко проверяемый наблюдением факт. Однако то, что я называю волей к порядку, стремлением навязать единообразие ошеломляющей множественности вещей и событий привело некоторых людей к забвению и игнорированию этого факта. Они принизили значение биологической уникальности индивида и сосредоточили свое внимание на более простых и, при современном состоянии знаний, более понятных внешних факторах, влияющих на человеческое поведение. «В результате этого ориентированного на окружающую среду мышления и направленности исследований, — пишет профессор Уильямс, — стала общепринятой доктрина об исключительном единообразии человеческих младенцев; этой доктрины в настоящее время придерживается большинство специалистов по социальной психологии, социологов, социальных антропологов и многих других, включая историков, экономистов, педагогов, юристов и общественных деятелей.

Данная доктрина стала определять и направлять мышление многих из тех, кто в настоящее время формирует образовательную и государственную политику; она безоговорочно признается и теми, кто не обладает в достаточной мере самостоятельным критическим мышлением».

Этическая система, основанная на реалистичной оценке данных опыта, скорее всего принесет больше добра, чем вреда. Но многие этические системы были основаны на оценке чувственного опыта, на рассмотрении природы вещей, но оказались тем не менее абсолютно нереалистичными и принесли больше вреда, чем пользы. Так, вплоть до самого недавнего времени все люди верили, что плохую погоду, болезни животных и половое бессилие могут накликать злые колдуны. Излавливать и убивать колдунов считалось долгом, и этот долг, более того, был благословлен свыше в библейском Пятикнижии: «Ворожеи не оставляй в живых». Этическая и юридическая системы, основанные на этом ошибочном взгляде на природу вещей, стали причиной (в течение тех веков, когда ее вполне серьезно воспринимали находящиеся у власти люди) ужасных злодеяний. Синтез слежки, линчевания и юридически обоснованных убийств, ставших благодаря

неверному взгляду на ворожбу логичными и необходимыми, оставался непревзойденным до наших дней, когда коммунистическая этика, основанная на ошибочных взглядах на происхождение, благословила и оправдала еще большие злодеяния. Принятие на вооружение социальной этики, основанной на том ошибочном взгляде, что наш биологический вид является полностью социальным, что дети рождаются абсолютно одинаковыми и что взрослые индивиды являются продуктами воспитания в условиях коллективного окружения, может привести к не менее катастрофическим последствиям. Если бы эти взгляды были верными, если бы человеческие существа являлись представителями действительно социального биологического вида и если бы их индивидуальные различия были по-настоящему пустяковыми и поддающимися ликвидации посредством соответствующего воспитания, то, очевидно, не существовало бы никакой необходимости в свободе и государство совершенно обоснованно преследовало бы еретиков, требующих свободы. Для индивидуального термита служение термитнику есть совершенная свобода. Но люди не вполне социальны; они всего лишь в меру общительны. Сообщества людей

не являются организмами, как ульи или муравейники; сообщества людей — это организации, созданные *ad hoc*[14] для успешного совместного проживания. Более того, различия между индивидами так велики, несмотря на интенсивное культурное сглаживание, что крайний эндоморф (если воспользоваться терминологией У. Шелдона) сохранит свою висцеротоническую общительность, крайний мезоморф не утратит соматотонической организации, а крайний эктоморф всегда будет церебротоническим, сдержанным и робким интровертом. В придуманном мною «О дивном новом мире» социально приемлемое поведение обеспечивалось двойным процессом: генетическим манипулированием и послеродовым воспитанием. Детей выращивали в пробирках, а высокая степень единообразия обеспечивалась тем, что яйцеклетки брали у ограниченного числа матерей и обрабатывали их таким образом, что они многократно делились, порождая в конечном итоге сотни одинаковых однояйцевых близнецов. Таким способом удавалось воспроизводить мыслящие стандартные биологические машины для стандартных

[14] Примечания: 14
Специально для этого (*лат.*). — *Примеч. пер.*

механических машин. Стандартизация биологических машин доводилась до совершенства после рождения специальной дрессировкой, обучением во сне, а эйфорию, заменявшую чувство удовлетворения от свободы и возможности творчества, вызывали введением специальных лекарств. В том мире, в котором живем мы, как уже было сказано в предыдущих главах, мощные обезличенные силы ведут дело к централизации власти и возникновению регламентированного общества. Генетическая стандартизация индивидов пока невозможна; однако большое правительство и большой бизнес уже обладают или будут очень скоро обладать всеми методиками манипулирования сознанием, описанными в «О дивном новом мире», наряду с другими, придумать которые у меня не хватило воображения. Не имея возможности придать генетическое единообразие эмбрионам, завтрашние правители попытаются навязать социальное и культурное единообразие взрослым и их детям. Для того чтобы достичь этой цели, они (если их вовремя не остановить) воспользуются всеми методами манипулирования сознанием, которые окажутся в их распоряжении, и не колеблясь усилят эти методы иррационального убеждения экономи-

ческим принуждением и угрозой применения насилия. Для того чтобы избежать такой неприкрытой тирании, мы должны безотлагательно приступить к просвещению — нас самих и наших детей — ради сохранения свободы и самоуправления.

Такое просвещение — как я уже говорил — должно заключаться прежде всего в обнародовании фактов и провозглашении ценностей — фактов о разнообразии индивидов, их генетической уникальности и ценности свободы, терпимости и взаимопомощи, которые являются этическими следствиями фактов. К сожалению, только осознания истины и здоровых принципов недостаточно. Бесстрастную правду может затмить вопиющая ложь. Умелое разжигание страстей часто оказывается более действенным, нежели самые здравые рассуждения. Эффекты лживой и злобной пропаганды можно нейтрализовать только длительным и терпеливым обучением искусству анализа ее методов и умению видеть сквозь ее изощренные дымовые завесы. Возникновение языка сделало возможным прогресс человечества от животного состояния до цивилизации. Но тот же язык породил непрекращающееся безумие и систематизированную, поистине дьявольски

изощренную безнравственность, которая не менее характерна для человеческого поведения, чем систематическая предусмотрительность и ангельская доброжелательность. Язык позволяет его носителям обращать внимание на вещи, людей и события даже в тех случаях, когда вещи и люди отсутствуют, а события не происходят. Язык придает ясности нашей памяти и, переводя данные опыта в символы, превращает непосредственное влечение или отвращение, ненависть или любовь в зафиксированные принципы, руководящие чувствами и поведением. Каким-то образом ретикулярная формация нашего мозга выбирает из великого множества поступающих в него стимулов те, которые представляют для нас практическую важность. При этом мы не осознаем, по каким критериям происходит этот отбор. Из подсознательно отобранных стимулов, оформившихся в чувственные переживания, мы более или менее осознанно выбираем и абстрагируем еще меньшее их число и обозначаем словами из нашего словаря, а затем классифицируем внутри системы, являющейся одновременно метафизической, научной и этической, составленной из других слов, почерпнутых на еще более высоком уровне абстракции. В тех случаях, когда отбор

и абстрагирование продиктованы не слишком ошибочной с точки зрения природы вещей системой, в которой вербальные ярлыки выбраны с умом, а их символическая природа отчетливо понята и осознана, наше поведение в ответ на стимулы чаще всего оказывается адекватным, реалистичным и приемлемым. Однако под влиянием плохо подобранных слов, использованных без понимания их чисто символической природы, которые были выбраны и абстрагированы в рамках системы ошибочных идей, мы склонны к враждебному, глупому поведению, к которому абсолютно неспособны тупые животные (именно в силу своей тупости и неспособности к членораздельной речи).

В своей иррациональной пропаганде враги свободы последовательно извращают языковые ресурсы, чтобы с помощью лести и страха заставить своих жертв думать, чувствовать и действовать так, как необходимо манипуляторам. Просвещение ради свободы (а также любви и разума, которые являются и условием и следствием свободы) должно быть одновременно обучением правильному употреблению языка. В течение последних двух или трех поколений философы потратили массу усилий на анализ

символов и содержание смыслов. Каким образом слова и предложения, которыми мы говорим, соотносятся с вещами, людьми и событиями, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни? Обсуждение этих проблем отнимет много времени и слишком далеко нас заведет. Достаточно сказать, что в настоящее время широко доступны все интеллектуальные материалы для качественного обучения всем уровням правильного использования языка на всех этапах такого обучения — от детского сада до высшего учебного заведения. Данное обучение предусматривает совершенное овладение искусством различения подходящих и неподходящих символов и может быть введено немедленно. На самом деле оно могло быть введено в любой момент в течение последних сорока лет. Тем не менее детей до сих пор нигде систематически не учат отличать друг от друга правдивые и *лживые*, осмысленные и бессодержательные высказывания. Почему? Дело в том, что их родители, даже в демократических странах, не хотят, чтобы дети получали такое обучение. В данном контексте очень поучительной представляется непродолжительная и печальная история Института анализа пропаганды. Институт был основан в 1937 году, когда

стала очень громко, назойливо и эффективно звучать нацистская пропаганда. Основал его английский филантроп господин Файлин. Под его руководством был произведен тщательный анализ иррациональной пропаганды и подготовлено несколько учебно-методических пособий для учащихся средних школ и студентов университетов. Потом началась война — тотальная война на всех фронтах, как военных, так и пропагандистских, где шла битва за души и умы. На фоне вовлечения союзных государств в «психологическую войну» настаивать на необходимости анализа пропаганды было просто бестактно. В 1941 году институт Файлина закрыли. Однако еще до начала открытых военных действий нашлось много людей, которым была глубоко чужда и неприятна деятельность института. Некоторые педагоги, например, не одобряли преподавания анализа пропаганды на том основании, что оно сделает юных учеников и студентов слишком циничными. Не нравилась такая затея и военным властям, которые опасались, что новобранцы начнут анализировать приказы унтер-офицеров. Были еще священники и специалисты по рекламе. Священники выступали против анализа пропаганды, так как опасались, что такое образо-

вание подорвет веру и сократит число прихожан, а специалисты по рекламе возражали на том основании, что подобное просвещение подорвет верность потребителей выбранным брендам и снизит количество продаж.

Эти страхи и неприятие нельзя назвать необоснованными. Излишне критическое и въедливое отношение простого народа к тому, что говорят пастыри и начальники, может подорвать основы существующего миропорядка. В его нынешней форме социальный порядок во имя его устойчивого и длительного существования зависит от принятия — без особых рассуждений и неудобных вопросов — пропаганды, проводимой властью, и пропаганды вековых традиций. Проблема, однако, заключается в необходимости поиска пресловутой золотой середины. Индивиды должны быть достаточно внушаемыми для того, чтобы иметь возможность и хотеть поддерживать существующий порядок, но не настолько внушаемыми, чтобы пасть беспомощными жертвами заклинаний любого профессионального манипулятора сознанием. Точно так же люди должны быть достаточно образованными в области анализа пропаганды для того, чтобы не поверить в откровенный вздор, но и достаточно

доверчивыми для того, чтобы не отвергать не всегда рациональные излияния поборников сохранения традиций. Вероятно, золотой середины между полной внушаемостью и тотальным скептицизмом никогда не удастся достичь с помощью одного только анализа пропаганды. Такой чисто негативный подход к проблеме необходимо дополнить чем-то более позитивным — провозглашением набора общепринятых ценностей, основанных на солидном фундаменте фактов. Это прежде всего ценность индивидуальной свободы, основанная на фактах человеческого многообразия и генетической уникальности; ценность сострадания и милосердия, основанная на давно знакомом факте, недавно заново открытом психиатрами, — независимо от ментального и физического разнообразия любовь необходима любому человеческому существу так же, как пища и кров; и наконец, это ценность интеллекта, без которой любовь бессильна, а свобода недостижима. Такой набор ценностей предоставит нам критерий, согласно которому появится возможность судить о пропаганде. Пропаганду, основанную на вздоре и безнравственности, можно будет отмести сразу. Иррациональную пропаганду, совместимую с любовью и свободой

и не выступающую против интеллектуального анализа, можно принять — только временно и с осторожностью.

Глава 12
Что можно сделать?

Нас можно научить быть свободными, причем научить гораздо лучше, чем мы обучены сейчас. Однако свобода, как я попытался показать, находится под угрозой сразу с нескольких направлений, и эти угрозы принимают разнообразные формы — демографические, социальные, политические, психологические. Наша болезнь вызвана многими усиливающими друг друга причинами, и ее не удастся вылечить без применения усиливающих друг друга лекарств. Пытаясь разрешить сложную человеческую ситуацию, мы будем вынуждены учитывать немало важных факторов, а не какой-либо один из них. Здесь стоит принять во внимание, без преувеличения, практически все, но и этого, скорее всего, окажется недостаточно. Свобода под угрозой, и научиться быть свободными стало неотложной необходимостью. Но то же самое можно сказать и о других составляющих жизни — например о социальной организации, контроле рождаемости, адекватном законодательстве. Начнем с

последнего пункта.

Со времен Великой хартии вольностей и даже еще раньше создатели английского права были озабочены защитой физической свободы и неприкосновенности индивида. Человек, которого держат в тюрьме на сомнительных основаниях, имеет право, согласно законодательному акту от 1679 года, подать апелляцию в вышестоящий суд по постановлению *habeas corpus*[15]. Это постановление направлялось судом высшей инстанции шерифу или начальнику тюрьмы и предписывало им не позже определенного срока доставить человека, содержащегося в заключении, в суд для рассмотрения дела — доставить, надо особо отметить, не жалобу заключенного, не его законного представителя, но его *corpus*, то есть тело, его плоть, которую заставили спать на голых досках, дышать зловонным тюремным воздухом и есть отвратительную тюремную пищу. Этот акт имел отношение к главному условию свободы — отсутствию физических ограничений — и являлся, без сомнения, необходимым, но не достаточным. Вполне может случиться так, что человек, не пребывающий в тюрьме, при этом не является

[15] Примечания: 15

Термин английского права, которым обозначается основная гарантия личной свободы в Англии. — *Примеч. пер.*

свободным. Он не находится взаперти, за решеткой, но является при этом психологическим пленником, принужденным думать, чувствовать и поступать так, как того желают представители государства или некие частные лица. Никогда, однако, не будет такого постановления, такого законодательного акта, как *habeas mentem*, ибо никакой шериф, никакой надзиратель не смогут доставить в суд противозаконно заключенный в темницу ум, и ни один человек, чей ум оказался в тюрьме, заключенный туда с помощью методов, описанных в предыдущих главах, не сможет пожаловаться на данное заключение. Природа психологического принуждения такова, что те, кто оказывается запертым в психологическую клетку, думают, что действуют по собственной воле. Жертва манипуляций не осознает, что она — жертва. Для нее стены тюрьмы остаются невидимыми, и она воображает себя свободной. Ее несвобода очевидна только окружающим. Рабство, в котором находится жертва, строго объективно.

Нет, повторю я снова, никогда не будет такого акта, как *habeas mentem*. Но можно и до́лжно разработать превентивное законодательство, объявить вне закона психологическую работор-

говлю, утвердить статут о защите сознания от бессовестных разносчиков ядовитой пропаганды, скопированный со статутов о защите физического здоровья от недобросовестных поставщиков испорченной пищи и опасных лекарств. Например, как мне думается, можно и даже до́лжно разработать законодательство, ограничивающее права государственных чиновников — как военных, так и гражданских — принуждать своих подневольных подчиненных или бесправных заключенных к обучению во сне. Можно и даже до́лжно разработать законодательство, запрещающее использование не воспринимаемых сознанием проекций на экраны кинотеатров и телевизоров. Можно и до́лжно утвердить законодательство, запрещающее политическим кандидатам не только тратить на избирательную кампанию денег больше определенной суммы, но и прибегать к иррациональной пропаганде, превращающей в нонсенс весь процесс демократических выборов.

Такое превентивное законодательство может принести некоторую пользу; но если мощные безличные силы, ныне угрожающие свободе, продолжат набирать ход, то это законодательство недолго будет полезным. Самые лучшие

конституции и превентивные законы окажутся бессильными против непрерывно нарастающего давления перенаселения и чрезмерной организации в сумме с техническим прогрессом. Конституции не отменят, а хорошие законы не аннулируют, и они будут по-прежнему красоваться в кодексах, но эти либеральные формы станут лишь маскировать и украшать абсолютно антилиберальную сущность общества. Если учесть неконтролируемый рост населения и торжество чрезмерной организации, то можно ожидать, что уже мои современники увидят, как обратятся вспять в демократических странах те процессы, которые превратили Англию в демократическую державу при сохранении внешних атрибутов монархии. Под беспощадным натиском ускоряющегося перенаселения и усиливающейся организации и посредством все более совершенных и эффективных методов манипулирования сознанием демократии изменят свою природу; старомодные формы — выборы, парламенты, верховные суды — останутся. Но то, что составит суть общества, будет представлять собой новый вид ненасильственного тоталитаризма. Все традиционные названия, все священные лозунги останутся теми же, какими они были в старое

доброе время. Демократия и свобода будут излюбленными темами радиопередач и редакционных статей — но только демократия и свобода в духе Пиквикского клуба. Под прикрытием этой бутафорской завесы правящая олигархия и ее верная, тщательно подготовленная элита, состоящая из солдат, полицейских, продавцов мыслей и манипуляторов общественным сознанием, будут спокойно и хладнокровно править бал так, как им заблагорассудится.

Как сможем мы контролировать громадные безличные силы, которые ныне угрожают нашей свободе, завоеванной очень высокой ценой? На словах и в общих понятиях ответ на этот вопрос дать достаточно просто. Возьмем проблему перенаселения. Быстро растущая численность людей все больше истощает природные ресурсы. Что делать? Очевидно, мы должны как можно скорее снизить рождаемость до такого уровня, чтобы она не превышала смертность. В то же время нужно как можно скорее увеличить производство продовольствия; мы должны разработать и внедрить в мировую практику политику сохранения почв и лесов, должны создавать практичные заменители современного топлива, предпочтительно менее опасные и не столь быстро истощающиеся,

как, например, уран. Бережно расходуя сокращающиеся запасы легкодоступных минеральных ископаемых, необходимо одновременно разработать новые и не слишком дорогостоящие методы извлечения этих минералов из все более и более бедных руд. Самая бедная из руд — морская вода. Излишне говорить, что все это намного легче сказать, чем сделать. Нужно сократить ежегодный прирост населения. Но как? Есть только два способа — голод, эпидемии и война, с одной стороны, и ограничение рождаемости, с другой. Большинство из нас выберет ограничение рождаемости и немедленно столкнется с ситуацией, которая представляет собой запутанный клубок проблем, — физиологических, фармакологических, социологических, психологических и даже богословских. Противозачаточные «пилюли» пока несовершенны. Если они будут усовершенствованы, как раздать их сотням миллионов потенциальных матерей (или, если появятся таблетки, действующие на мужчин, потенциальным отцам), которым придется принимать их, когда сокращение численности человечества станет необходимостью? Учитывая, однако, существующие общественные обычаи и силу культурной и психологической инерции, как сможем мы убе-

дить тех, кто будет должен принимать таблетки, но не захочет этого делать, изменить отношение к проблеме? И как быть с возражениями со стороны католической церкви, которая выступает против любого контроля рождаемости, за исключением метода подсчета фазы месячного цикла. Однако этот метод, между прочим, доказал свою почти полную неэффективность как раз в тех промышленно не развитых обществах, где ограничение рождаемости является неотложной проблемой. Вопросы о гипотетической совершенной «пилюле» следует задать, кроме того — и с такой же малой надеждой на вразумительный ответ — и по поводу уже существующих химических и механических противозачаточных средств.

Если мы перейдем от проблем ограничения рождаемости к проблеме увеличения производства продовольствия и сохранения природных ресурсов, то столкнемся, возможно, не с такими огромными, но все же большими трудностями. Это прежде всего вопрос образования. Как скоро можно будет обучить бесчисленных крестьян и фермеров, которые в настоящее время выращивают и производят большую часть запасов продовольствия, так, чтобы они усовершенствовали методы своего труда? Но когда и если они

получат достаточное образование, то где найдут капитал для приобретения машин, горюче-смазочных материалов, электроэнергии, удобрений, улучшенных сортов сельскохозяйственных растений и пород домашних животных, без которых самое передовое сельскохозяйственное образование окажется бесполезным? Кроме того, кто будет обучать род человеческий теории и практике сохранения ресурсов? Каким образом оберегать землю от хищнического возделывания нищими крестьянами в странах с быстро растущим населением и потребностью в продовольствии? Если же ее все же каким-то способом удастся оградить, то кто поддержит крестьян в тот период, когда истощенная земля будет медленно восстанавливать свое плодородие? Или представьте себе отсталое общество, которое задумает провести у себя индустриализацию. Если они добьются успеха, то кто остановит их от отчаянных попыток удержаться на плаву, для чего они начнут хищнически и бездумно расходовать невосполнимые природные ресурсы, как это делали и делают до сих пор те, кто вырвался вперед в этой сумасшедшей гонке? Когда же настанет время окончательного расчета, где в самых бедных странах найдутся научные кадры и огромные

капиталы, которые потребуются для извлечения незаменимых полезных ископаемых из очень бедных руд так, чтобы сделать это извлечение технически возможным и экономически оправданным? Не исключено, что со временем будут найдены ответы на все эти вопросы. Но сколько конкретно времени потребуется? В любой гонке между численностью населения и природными ресурсами время работает против нас. К концу нынешнего столетия, если мы приложим максимум усилий, нам, возможно, удастся произвести в два раза больше продовольствия, чем мы производим сейчас. Но за это время население Земли тоже увеличится почти вдвое, и несколько миллиардов человек будут жить в отчасти индустриализированных странах и потреблять в десять раз больше энергии, воды, древесины и невосполнимых минеральных ископаемых, чем сейчас потребляют их родители. Другими словами, положение с продовольствием окажется столь же скверным, как сейчас, а положение с сырьем ухудшится еще больше.

Разобраться с чрезмерной организацией едва ли легче, чем решить проблемы сохранения природных ресурсов и растущей численности населения. На словах и в теории ответ предельно

прост. Так, справедлива политическая аксиома о том, что власть следует за собственностью. Но свершившимся историческим фактом является то, что средства производства стали монопольной собственностью большого бизнеса и государства. Следовательно, если вы верите в демократию, то сделайте все, что в ваших силах, чтобы как можно шире распределить собственность среди людей.

Или возьмем право голоса. В принципе, это большая привилегия. На практике, как показывает нам совсем недавняя история, право голоса отнюдь не является гарантией свободы. Следовательно, если вы хотите избежать диктатуры по результатам референдума, то разбейте огромные, напоминающие машины, коллективы современного общества на самоуправляющиеся, свободно сотрудничающие группы, способные функционировать вне бюрократических систем большого бизнеса и государства.

Перенаселение и чрезмерная организация породили мегаполисы, в которых полноценная человеческая жизнь и межличностные отношения стали практически невозможными. Следовательно, если вы хотите избежать духовного обнищания индивидов и всего общества, покидайте мегаполисы и возродите

малую деревенскую общину или попытайтесь гуманизировать мегаполис, создав внутри сети его механических организаций городской эквивалент мелких деревенских общин, в которых индивиды могут встречаться и сотрудничать как полноценные личности, а не как исполнители определенных функций.

Все это совершенно очевидно сегодня, как, на самом деле, было очевидно и пятьдесят лет назад. От Хилэра Беллока[16] до Мортимера Адлера[17], от первых апостолов кооперативных кредитных союзов до земельных реформаторов современной Италии и Японии люди из лучших побуждений выступали за децентрализацию экономической власти и широкую дистрибуцию собственности. Сколько изобретательных схем было предложено для распределения продукции и для возрождения малой «деревенской промышленности». Кроме того, были же тщательно разработанные Дюбрейем планы предоставления определенной автономии и права инициативы разным отделам больших промышленных предприятий и

[16] Примечания: 16

Один из самых плодовитых писателей XX века, историк. — *Примеч. пер.*

[17] Примечания: 17

Американский философ, педагог и популяризатор. — *Примеч. пер.*

организаций. Тут же можно вспомнить синдикалистов с их схемами создания общества без государства, организованного в виде федерации производственных групп под общим руководством профсоюзов. В Америке Артур Морган и Бейкер Браунелл выдвинули теорию и описали практику жизни в коммуне на уровне деревень и мелких городков.

Профессор Скиннер из Гарвардского университета высказал психологический взгляд на проблему в книге «Уолден Второй», в утопическом романе о самостоятельной и автономной общине, которая так хорошо и по-научному организована, что никто не испытывает искушения вести асоциальную жизнь и каждый без принуждения и нежелательной пропаганды делает то, что должен. В общине все счастливы и проявляют склонность к позитивному творчеству. Во Франции, во время и после Второй мировой войны, Марсель Барбю и его последователи организовали несколько самоуправляющихся, лишенных иерархии производственных общин, которые, кроме того, были пронизаны духом взаимопомощи и возвышенного, поистине человеческого бытия. И, между прочим, проведенный в Лондоне Пекхэмский эксперимент показал, что, объеди-

нив службу здравоохранения с немедицинскими интересами людей, можно создать настоящую общину даже в условиях мегаполиса.

Мы, таким образом, видим, что болезнь чрезмерной организации распознали уже давно, что для ее лечения были предложены самые разнообразные средства, а симптоматическое лечение проводили неоднократно, в разных местах и часто с ощутимым успехом. И тем не менее, несмотря на проповеди и наглядные практические результаты, болезнь прогрессирует, а состояние больного неуклонно ухудшается. Мы все знаем, что небезопасно допускать концентрацию власти в руках правящей олигархии, но власть продолжает и дальше концентрироваться в руках все меньшего числа людей. Мы знаем, что многие в огромных современных городах влачат анонимную, отчужденную и, можно сказать, не вполне человеческую жизнь; тем не менее мегаполисы только расширяются, а жизнь в них совершенно не меняется. Мы знаем, что в огромных, сложно устроенных обществах демократия бессмысленна, если она не распределяется по автономным, малочисленным группам населения; тем не менее все в большей степени дела народов решаются бюрократами государства и

большого бизнеса. Сейчас уже очевидно, что в настоящее время решить проблему чрезмерной организации почти так же трудно, как и проблему перенаселения. В обоих случаях мы знаем, что нужно делать, но в обоих же случаях мы не в состоянии поступать согласно нашим знаниям.

Здесь мы сталкиваемся с очень тревожным вопросом: действительно ли мы хотим поступать согласно нашим знаниям? Действительно ли большинство населения думает, что стоит потрудиться ради того, чтобы остановить и, если возможно, повернуть вспять наше движение к тоталитарному контролю? В Соединенных Штатах, а Америка — это пророческий образ того, чем станет остальной индустриально развитый мир через несколько лет, — согласно опросам общественного мнения, большинство молодых людей, завтрашних избирателей, не верят в демократические институты, не возражают против цензуры непопулярных идей, не считают, что народ может управлять собой сам, и будут совершенно довольны, если смогут и дальше жить так, как приучил их промышленный бум и если ими продолжит управлять тщательно отобранная олигархия. То, что столь многие сытые молодые телезрители в самой мощной демократии мира

так безразличны к идее самоуправления, так не заинтересованы в свободе мысли и в праве на несогласие, не может не расстраивать, но не может и удивлять. «Свободен, как птица», — говорим мы, завидуя крылатому созданию из-за его способности к неограниченному движению во всех трех измерениях. Но, увы, мы забыли о дронтах. Любая птица, научившаяся добывать себе пропитание из земли, не прибегая к помощи крыльев, очень скоро откажется от привилегии летать и навсегда привяжется к земле. Нечто подобное можно сказать и о людях. Если человек получает в изобилии хлеб трижды в день без всяких хлопот, то он почти всегда будет довольствоваться одним только хлебом — или только хлебом и зрелищами. «Кончится тем, — говорит Великий инквизитор в притче Достоевского, — что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Когда же Алеша Карамазов спрашивает брата, который рассказывает ему эту притчу, не иронизирует ли Великий инквизитор, Иван отвечает: «Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми». Да, именно сделать людей

счастливыми. «Ибо теперь только, — настаивает Великий инквизитор, — стало возможным помыслить в первый раз о счастии людей». Но отсутствие свободы еще более невыносимо, чем ее наличие. Когда еды становится мало, когда рабовладельцы закручивают гайки, приземленные дронты снова вспоминают о крыльях — но вновь отказываются от них, когда наступают лучшие времена, количество еды увеличивается, а хозяева становятся снисходительными и щедрыми. Молодые люди, которые сейчас так скверно думают о демократии, могут в один прекрасный момент стать борцами за свободу. Клич «Дайте мне телевизор и гамбургеры, но не лезьте ко мне с ответственностью за свободу» может в любой момент смениться лозунгом «Свобода или смерть!». Такая революция произойдет благодаря действию сил, перед которыми беспомощны даже самые могущественные правители; отчасти из-за их некомпетентности, отчасти же из-за неспособности эффективно использовать инструменты манипуляции сознанием, которыми наука и технологии снабжали, снабжают и будут снабжать и впредь будущих тиранов. Если учесть, как мало знали и как скудно были вооружены великие инквизиторы прошлого, то можно

только удивляться тому, насколько эффективно они действовали. Однако их наследники, хорошо информированные, научно подкованные диктаторы будущего, несомненно, справятся намного лучше. Великий инквизитор упрекает Христа в том, что он призвал людей быть свободными, и говорит Ему, что «мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете». Но чуда, тайны и авторитета власти недостаточно для того, чтобы гарантировать выживание диктатуры. В придуманном мною «О дивном новом мире» диктаторы добавили к этому списку науку и таким образом укрепили свою власть, манипулируя организмами эмбрионов, рефлексами младенцев, умами детей и взрослых. Вместо того чтобы просто говорить о чудесах и символически намекать на тайны, они смогли с помощью специальных лекарств дать своим подданным возможность пережить таинства и чудеса — то есть превратить простую веру в экстатическое знание. Прежние диктатуры рассыпались в прах, потому что тираны никогда не могли снабдить своих подданных достаточным количеством хлеба, зрелищ, тайн и чудес. Те диктаторы не владели эффективными методами манипулирования индивидуальным и общественным

сознанием. В прошлом свободолюбивые мыслители и революционеры часто были выходцами из самых благочестивых и ортодоксальных слоев общества, и это неудивительно. Методы, которыми пользовались ортодоксальные педагоги, оказались на удивление неэффективными. При научно обоснованной диктатуре просвещение и образование будут работать по-настоящему. В большинстве своем мужчины и женщины искренне полюбят рабство и никогда не станут помышлять о революции. Нет никаких оснований надеяться, что кому-либо удастся свергнуть строгую научно обусловленную диктатуру.

Тем не менее в мире пока все же сохраняется свобода. Немалое количество молодых людей — и это правда — не ценят ее. Но многие из нас все же верят, что без свободы люди не могут стать людьми в истинном смысле данного слова, и поэтому свобода для нас — наивысшая ценность. Возможно, силы, угрожающие сегодня свободе, слишком могущественны, чтобы им можно было долго сопротивляться, но наш долг делать все необходимое, чтобы противостоять им.